

СЕБАСТИАН
БРАНТ

КОРАБЛЬ ДУРАКОВ

Сатирическая поэма «Корабль дураков» Себастиана Бранта — одно из наиболее самобытных творений немецкой гуманистической литературы. В ней поэт обличает человеческую глупость, которая ведет мир по ложному пути и которая до тех пор будет процветать на земле, пока яркий свет разума не рассеет глубокого мрака невежества и неразумия.

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»

СЕБАСТИАН БРАНТ

КОРАБЛЬ ДУРАКОВ

ИЗБРАННЫЕ САТИРЫ

Иллюстрации
АЛЬБРЕХТА ДЮРЕРА

Москва
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1984

SEBASTIAN BRANT

DAS NARRÈNSCHIFF

1494

Предисловие
Б. Пуришева

Примечания
Е. Маркович

Перевод с немецкого
Льва Пеньковского

Оформление художника
А. Лепятского

Б $\frac{4703000000-311}{028(01)84}$ 143-84

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта занимательная и поучительная книга увидела свет в 1494 году, в городе Базеле.

Автором ее был видный немецкий ученый, юрист и писатель-гуманист Себастиан Брант. Он родился в 1457 или 1458 году в Страсбурге, в семье зажиточного трактирщика. В 1475 году для получения высшего образования прибыл он в «вольный город» Базель, тогда еще входивший в состав Германской империи. Базель славился университетом, основанным в 1460 году, и печатным делом и был одним из наиболее значительных центров раннего немецкого гуманизма. Молодой Себастиан с успехом изучал в местном университете юриспруденцию и другие науки и со временем стал уважаемым профессором канонического и римского права и деканом его юридического факультета. Одновременно он занимался адвокатской практикой, которая давала богатую пищу его

проницательному уму. Принимал он также деятельное участие в работе базельских книгоиздателей и печатников. Им опубликован ряд юридических, теологических и литературных текстов, в том числе творения основоположника итальянского гуманизма Петрарки и немецкого средневекового поэта-вольнодумца Фрейданка, который еще в XIII веке бичевал пороки римско-католической церкви и очень резко нападал на князей, наполнявших страну смутами и раздорами.

В конце 1499 года Брант вернулся в Страсбург, в котором прошли его детские и юношеские годы. Здесь он достиг видного служебного и общественного положения и умер в 1521 году.

Подобно другим гуманистам, Брант свободно владел латинским языком. Он был весьма начитан в древних авторах, высоко их ценил, а Вергилия даже называл своим другом. Это не помешало ему, однако, лучшее свое произведение — стихотворную сатиру «Корабль дураков» — написать на родном немецком языке. Книга сразу же приобрела огромную популярность. До конца XVI века она выдержала двадцать шесть изданий. Вскоре после ее выхода в свет она была переведена на французский язык, а затем на языки голландский и английский. В 1497 году появился латинский перевод, сделанный учеником Бранта гуманистом Якобом Лохером. В таком виде «Корабль дураков» стал достоя-

нием всей образованной Европы. Ни одно из более ранних произведений немецкой литературы не имело такого широкого, поистине международного успеха. Книга вызвала ряд подражаний. С очень явными отзвуками брантовской сатиры встречаемся мы в «Похвале глупости», сатирическом памфлете великого голландского гуманиста Эразма Роттердамского.

Этот огромный успех «Корабля дураков» в значительной мере обусловлен тем, что сатира Бранта отлично уловила веяния времени. Во второй половине XV века Германия, как и некоторые другие европейские страны, вступала в эпоху Возрождения. Оплотом новой культуры становились немецкие города, достигшие в XV веке большого расцвета. Схоластика начала отступать под натиском развивавшегося гуманизма. Привычные средневековые воззрения утрачивали власть над умами многих людей. Все громче раздавались голоса, требовавшие церковной реформы и протестовавшие против жалкого политического состояния Германии, раздираемой феодальными смутами и раздорами. В деревнях зрели мятежи, разжигаемые еретическими призывами народных проповедников. Приближалась Реформация, вскоре затем переросшая в Великую крестьянскую войну, до основания потрясшую все громоздкое здание немецкой феодальной государственности.

Не стояла в стороне от жизни и бюргерская художественная литература. Во многом она была еще связана с традициями средних веков. Ученые-гуманисты, презиравшие все средневековое как варварское, предпочитали писать свои произведения на языке классическою Рима. Зато литература на немецком языке была доступна широким читательским кругам. К ним она обращалась, с ними вела серьезный разговор. При этом через всю немецкую художественную литературу XV века проходит мысль о том, что мир нуждается в решительном обновлении, что в нем накопилось чрезмерно много пороков, что дальше так продолжаться не может. Писатели то и дело вздымают бич сатиры, стремясь выбить как можно больше пыли и грязи из немецкой жизни. Одна сатирико-дидактическая поэма следует за другой. Их наполняют образы многочисленных представителей самых различных профессий, сословий и нравственных состояний. Такие сатирические «зерцала» были в то время весьма распространены.

«Корабль дураков» непосредственно примыкает к этим сатирико-дидактическим поэмам, или «зерцалам», позднего средневековья. Нельзя отрицать того, что во многом сатира Бранта достаточно старомодна. Вместе с тем она уже не принадлежит средним векам. При всей ее «готической» старомодности она все-таки гораздо ближе гуманистической

сатире Эразма Роттердамского, чем таким сатирическим поэмам XV века, как, например, анонимные «Сети дьявола» (1414—1418). Книга Бранта появилась на заре немецкого Ренессанса, когда повсюду в Германии зеленели обильные всходы гуманизма. И была она одним из наиболее самобытных созданий немецкой гуманистической литературы, произведением с ярко выраженным национальным колоритом. Брант не подражал ни античным поэтам, ни итальянцам. Он пошел по пути, по которому шли до него многие немецкие поэты. Это помогло ему без труда найти общий язык с массой читателей. Немецкий читатель уже привык к тому, что сатирики и дидактики с высоты своей поэтической кафедры внимательно обозревали толпы недостойных, осмеивая их и бичуя. Однако в «Корабле дураков» было нечто существенно новое.

Дело в том, что сатирики позднего средневековья к жизни неизменно подходили с теологическим критерием, повсюду видя либо грех, достойный осуждения, либо благочестие, достойное похвалы. Так было, например, в анонимной поэме «Сети дьявола», в которой дьявол, этот «палач господень», улавливает в сети души грешников. В отличие от своих предшественников, Себастиан Брант подошел к жизни с иным, по существу гуманистическим, критерием. Все темное, уродливое, несправедливое он рассматривал как проявление челове-

ческого неразумия. И он звал мир на суд нелицеприятного разумa. Уже не грешники, а глупцы наполняют его сатиру. Поэт перестал быть церковным проповедником. Он превратился в обличителя человеческой глупости, которая ведет мир по ложному пути и которая до тех пор будет процветать на земле, пока яркий свет разума не рассеет глубокого мрака невежества и неразумия. Поэтому сатирик должен поставить перед людьми огромное зеркало, в котором все могут увидеть свое подлинное обличие. Дураки увидят себя без всяких прикрас и поймут, что они клевреты госпожи Глупости.

Так и поступает сам Себастиан Брант. Его книга — это обширное «зерцало» дураков. Поэт стремится собрать все известные ему виды «глупости». А чтобы избавить мир от шумной ватаги дураков, он погружает их на корабль, отъезжающий в страну Глупости — Глупландию.

Подобная концепция, не лишенная, разумеется, наивности, как и все просветительские концепции, в эпоху Возрождения встретила весьма сочувственный прием. На рубеже XV и XVI веков, в преддверии Реформации, книга Бранта была воспринята как большое событие литературной и общественной жизни. Среди ее почитателей мы встречаем таких выдающихся гуманистов, как Ульрих фон Гуттен и Эразм Роттердамский. В книге многие услышали

призыв очистить страну от скверны нравственной и социальной.

Впрочем, положительные идеалы Бранта вовсе не отличались радикализмом. Его, например, смущало возраставшее религиозное вольномыслие. Приближавшаяся Реформация скорее пугала его, чем привлекала. Он хорошо понимал, что страна шла навстречу грозным событиям. «Кораблик св. Петра сильно качается, я боюсь, как бы он не пошел ко дну, волны с силой бьют в него, будет большая буря и много горя». Вполне в духе времени он представлял себе эту приближающуюся социальную бурю в зловещих образах Апокалипсиса. Ведь примерно в те же годы гениальный немецкий художник Альбрехт Дюрер обнародовал цикл своих знаменитых гравюр «Апокалипсис» (1498), наполненных гулом грядущих потрясений. «Время близится! Близится время!» — восклицает поэт, и ему уже кажется, что антихрист находится где-то совсем близко («Суд над антихристом»).

Это ощущение близкого Страшного суда, которое свойственно было многим в тот предреформационный период, проистекало из твердой уверенности в том, что мир погряз во зле и нуждается в решительном обновлении. Уверен был в этом и Брант, хотя это обновление и представлялось ему скорее как процесс нравственный. Правда, его удручала государственная раздробленность Германии,

в которой хозяйничали князья, усердно «ощипывавшие гуся» (то есть государство), и он мечтал о том, чтобы отчизна его стала наконец единой и прочной, но эту консолидацию страны он мыслил лишь как укрепление власти императора за счет власти территориальных князей. Но ведь и другие гуманисты думали то же самое. Свои надежды возлагали они на императора Максимилиана I, видя в нем не только последнего рыцаря, но и первого гуманиста на троне. Максимилиан ценил их поддержку, в частности поддержку Бранта, которого он впоследствии осыпал монаршими милостями.

Рассуждения Бранта об имперской реформе, лжепророках, сбивающих с толку народ, истинном благочестии и тому подобных вещах, можно думать, весьма занимали современников. Ведь все это были отклики на злобу дня. Однако для нас подобные места в книге немецкого гуманиста представляют интерес чисто исторический. Зато сатира Бранта до сих пор не утратила своей свежести и яркости. Подчас стрелы брантовской сатиры поражают цель, которая вовсе не так уж далека от нас. Не все пороки, на которые ополчался немецкий поэт, сгинули бесследно. Читая «Корабль дураков», мы вдруг с удивлением узнаем себя или наших современников в старомодных фигурах, увенчанных дурацкими колпаками. Между тем фигуры эти

отнюдь не являются вневременными сатирическими схемами, как это нередко случалось у сатириков средних веков. Они исторически конкретны, тесно связаны с бытовой обстановкой, — Себастиан Брант был незаурядным бытописателем. Он обладал завидным умением схватывать множество характерных деталей. Его «дураки» живут, мы их ясно видим. А иногда перед читателем возникают очень четкие жанровые зарисовки.

Вслед за поэтом мы входим, например, в храм. Идет богослужение. Одни сосредоточенно молятся, зато другие перемигиваются с красотками, отвешивают поклоны, громко болтают, лезут вперед, либо возятся с собаками и охотничьими соколами. Во время мессы птицы хлопают крыльями, собаки ворчат и лают, а повесам нет дела до того, что нарушается церковное благочиние («Шум в церкви»). Если выйти из храма на паперть, то можно увидеть другую картину: здесь расположилась крикливая ватага продавцов чудотворных реликвий. Они ведут бойкую торговлю такими «священными» предметами, как сено из вифлеемских яслей, кусок ребра Валаамовой ослицы, перо из крыла архангела Михаила и т. п. Все они заведомые обманщики, готовые поживиться за счет простоватых верующих («О нищенстве»). А вот врачи-шарлатаны. Ничего толком не зная, леча все болезни одним и тем же сомнительным снадобьем, они благодаря своему

важному и напыщенному виду легко втираются в доверие больных и успешно опустошают их карманы («О врачах-шарлатанах»). Или, наконец, неряхи, грубияны и невежи, не умеющие себя держать за столом. Они громко чавкают, оставляют повсюду пятна, напиваются как свиньи, оглушают всех своей несносной болтовней, вытирают нос о скатерть («О застольном невежестве»).

Себастиан Брант умеет находить все новые и новые образцы «глупости». Под его пером быстро растет толпа дураков, оглашающих воздух нестройным звоном бубенцов. Кого здесь только нет! Сатирик не дает спуску ни мужчинам, ни женщинам, ни клирикам, ни мирянам, ни знатным, ни худородным, ни богатым, ни бедным. Начав свой труд «ради пользы» и «поощрения мудрости», «искоренения глупости» и «дурацких предрассудков», он не устает бродить по улицам и площадям, заглядывать в дома, храмы, мастерские, кабаки, дворцы, школы и прочие людные места и повсюду разыскивает и повсюду находит обильный материал для своей сатиры. Видя множество человеческих недостатков, он то насмешливо улыбается, то скорбит, то негодует, то грозит, то громко хохочет над ухищрениями глупцов. Разумеется, он хорошо понимает, что есть недостатки мелкие, не столь существенные, но есть и опасные пороки, разъедающие душу и тело отчизны. Для того чтобы пора-

нить эти пороки, он выбирает самые острые и самые крупные сатирические стрелы.

Наиболее вредоносным пороком Брант считает себялюбие. Но оно становится особенно уродливым, когда соединяется с корыстолюбием. В то время не он один с тревогой наблюдал за ростом этих пороков. На исходе средних веков, в период быстрого подъема городов и развития буржуазных отношений, резко бросался в глаза тот культ наживы, о котором писали многие сатирики и моралисты. Полагая первейшей обязанностью человека служение «общему благу», Брант не раз в «Корабле дураков» ополчается против тех, кто помышляет только о собственном благе и служит лишь ненасытному господину Пфеннигу. По словам поэта:

От сребролюбья спятил свет:
Все жаждут лишь монет, монет!

(«О нищенстве»)

Корыстолюбие убивает дружбу («Об истинной дружбе»), любовь, справедливость, честность, простую порядочность. Ради наживы корыстолюбцы идут на любой обман, любую подлость. Во имя барыша они способны пустить по миру сотни и тысячи людей («О фальши и надувательстве»). Ради денег молодые женятся на сварливых и злобных старухах, обрекая себя на вечные дрязги и ссоры

(«О тех, кто женится на деньгах»). Корыстолюбием заражены не только миряне, но и клир. Господин Пфенниг распоряжается в судах и ратушах. К его лукавым советам прислушиваются князья и другие большие господа, окружившие себя льстецами, клеветниками и мздоимцами («О дураках, облеченных властью»). Там, где торжествуют эгоизм и корысть, там все начинает идти вкривь и вкось, там меркнут гражданские идеалы и распадается естественная связь людей. И поэт хочет внушить читателям мысль, что нельзя личную пользу искать в стороне от пользы общей. В сатире «Об истинной дружбе» он говорит:

Кто себялюбью лишь послушен,
А к пользе общей равнодушен,
Тот — неразумная свинья:
Есть в общей пользе и своя!

Удрученный зрелищем торжествующего корыстолюбия, при котором достоинства человека измеряются одним только богатством, а ум, ученость и порядочность не имеют цены, Брант с сочувствием вспоминает о легендарном золотом веке, когда еще никто не знал, что такое «мое» и «твое» и на земле, свободной от алчности, царила добродетель («О презрении к бедности»).

Привлекали внимание Бранта также и другие недостатки и пороки. Гуманист и просветитель, он

не мог пройти мимо различных суеверий, распространенных в то время в Германии. Он осмеивает ворожбу, колдовство, магию, астрологию и алхимию. Ему обидно, что расплодившиеся обманщики с такой легкостью морочат народ отъявленной чепухой («Об астрологии»). Обидно ему также, что среди ученых, долженствующих просвещать умы, нередко встречаются глубокие невежды, умеющие только пускать пыль в глаза людям доверчивым («О бесполезных книгах»).

Осуждает он также родителей, которые подают своим детям дурной пример, не проявляют должной заботы об их правильном воспитании, не учат знаниям и труду, в результате чего из ребенка вырастает праздный гуляка, распутник и лоботряс («О воспитании детей»). Распутство, тунеядство, увлечение азартными играми, чревоугодие и пьянство бичует Брант и в других своих сатирах. С негодованием пишет он о подхалимах и наушниках, о сутягах и склочниках, о ростовщиках и перекупщиках, о рыцарях-разбойниках, о мздоимцах-чиновниках, о вороватых купцах и ремесленниках, о попах и монахах, прикрывающих свою волчью породу овечьей шкурой («О фальши и надувательстве»), и многом, многом другом.

Есть в этих сатирах отзвуки средневекового ригоризма, почти аскетического неприятия, в сущности, довольно невинных развлечений (например,

сатира «О танцах»), но в основном книга Бранта овеяна теплым дыханием гуманизма. Автору действительно не безразлично, куда идет страна, куда идут люди. Многого он не понимает, его бюргерское мировоззрение во многом ограничено и даже подчас консервативно, но он искренне желает, чтобы свет разума воссиял наконец над миром и чтобы как можно больше людей плыло в гавань Мудрости. И мы верим поэту, когда он заявляет, что не ради славы или денег, но «на благо миру» предпринял он свой труд («Извинение поэта»).

Для вразумления читателей Брант уснащает свою книгу множеством примеров и цитат, заимствованных из Библии и античности. В этом он примыкает к довольно устойчивой традиции сатирической литературы позднего средневековья. Только у Бранта чувствуется более основательное знание классической древности, характерное для ученых-гуманистов. Впрочем, не только сатирики средних веков, но и гуманисты любили блистать солидной эрудицией. Достаточно вспомнить хотя бы Эразма Роттердамского или Франсуа Рабле. Гуманисты с превеликим удовольствием демонстрировали свою начитанность в древних авторах. Они намеренно ее выдвигали на первый план, отчасти потому, что классическая эрудиция в эпоху Возрождения считалась первым признаком высокой культуры, но еще и потому, что они желали как можно больше

имен, фактов и цитат из античной истории, мифологии и литературы сделать достоянием читательских кругов. Вероятно, и Брант стремился к этому.

При этом, однако, Брант не был сухим и скучным педантом, как многие его ученые современники. Эрудиция ему была нужна лишь для того, чтобы сделать свои мысли более вескими и убедительными. Он не отгораживался от людей, не владевших классической филологией. Ведь в то время, когда почти все гуманисты Германии писали свои произведения на языке классического Рима, он осмелился написать «Корабль дураков» на языке немецком, да еще на языке бесконечно далеком от всяческого педантизма, удивительно ярком, непосредственном, изобилующем ядреными словечками и зело скоромными речениями, с которыми гораздо чаще встречаешься на рынках, площадях и в харчевнях, чем в кабинетах высокоученых мужей. Разумеется, все это не могло не содействовать исключительной популярности книги.

Этой популярности содействовали также многочисленные гравюры на дереве, которыми книга была украшена. По словам Бранта, гравюры эти должны помочь читателю вникнуть в смысл сатиры, а тем, которые совсем не умеют читать, в какой-то мере заменить поэтический текст. Давно уже было обращено внимание на выдающиеся художественные достоинства иллюстраций, помещен-

ных в книге. Делались попытки найти их автора. В последнее время почти все исследователи склоняются к тому, что автором большого числа иллюстраций был молодой Альбрехт Дюрер, который как раз в то время, когда готовилось издание «Корабля дураков», находился в Базеле. Весьма вероятно, что, работая над иллюстрациями, Дюрер пользовался полезными советами Себастиана Бранта. Во всяком случае, Дюреру удалось создать настоящие шедевры книжной графики. Его иллюстрации примечательны еще и тем, что они не только помогают понять сатирический замысел поэта, но и во многом его уточняют, дополняют и развивают. Нередко они конкретизируют социальную и бытовую обстановку, не всегда очень ясно намеченную в книге. Сейчас уже просто невозможно представить себе «Корабль дураков» без иллюстраций Альбрехта Дюрера.

В. Пуришев

КОРАБЛЬ ДУРАКОВ

Doctor
Ad Narragonia
Gaudeamꝰ omnes

ПРОТЕСТ

Когда с таким трудом, упорно,
Корабль я этот стихотворный
Своими создавал руками,
Его наполнив дураками,
То не имел, конечно, цели
Их всех купать в морской купели:
Скреб каждый собственное тело.
А впрочем, тут другое дело:
Мне в книгу некие болваны
(Они изрядно были пьяны)
Подсыпали своих стишков.
Но среди прочих дураков
Они, того не сознавая,
Под жарким солнцем изнывая,
На корабле уже и сами
Валялись все под парусами:
Я им заранее, на суше,
Ослиные наставил уши!

Стихи могли быть лучше тут,
Когда б не пострадал мой труд
От строк чужих. Да, не прославил
Себя отнюдь, кто мне их вставил,
Мои повыстриг, не спросив
И смысл местами исказив.
Когда стихи сдаешь в печать,
Приходится их сокращать,
И ужимаются бедняги
В зависимости от бумаги.
Особенно мне неприятно,
Обиднее тысячекратно,
Что, так трудясь и так горя,
Я столько сил потратил зря
(Хотя вины моей тут нет),
Чтоб эта книга вышла в свет
С приписанной мне дребеденью,
Что на меня ложится тенью...

Ну, с богом! В путь пускайся, судно!
Рожать глупцов довольно трудно —
Особый нужен здесь талант!
А я — дурак Себ*а*стиан Брант.

ПРЕДИСЛОВИЕ К «КОРАБЛЮ ДУРАКОВ»

*Ради пользы
и благого поучения,
для увещевания
и поощрения мудрости,
здравомыслия
и добрых нравов,
а также ради искоренения
глупости, слепоты
и дурацких предрассудков
и во имя исправления
рода человеческого —
с исключительным
тщанием,
серьезностью
и рачительностью
составлено в Базеле*

Себастианом Брантом,
доктором обоих прав.

Душеспасительные книжки
Пекут у нас теперь в излишке,
Но, несмотря на их число,
Не уменьшилось в людях зло:
Писанья эти ничему
Теперь не учат! В ночь и в тьму
Мир погружен, отвергнут богом, —
Кишат глупцы по всем дорогам.
Жить дураками им не стыдно,
Но узнанными быть обидно.

«Что делать?» — думал я. И вот
Решил создать дурацкий флот:
Галеры, шхуны, галиоты,
Баркасы, шлюпки, яхты, боты.
А так как нет таких флотилий,
Всех дураков чтоб захватили,

Собрал я также экипажи,
Фургоны, дроги, сани даже.
Глупцам нет счета в наши дни:
Как мухи, суетясь, они
На корабли спешат, летят —
Быть первыми и здесь хотят.

Их всех, которые тут есть,
Представить вам имею честь:
Вот вам один — мой текст ему
Не по душе, как я пойму.
А этот не прочтет ни слова,
Но на картинке, как живого,
Заметит среди прочих рож
Себя и даже с кем он схож.

В моем зерцале дураков
Дурак узрит, кто он таков,
И, приглядясь к себе, увидит,
Что из него мудрец не выйдет.
Что не дано, то не дано!
Не тщись быть мудрым, знай одно:
Признавший сам себя глупцом
Считаться вправе мудрецом,
А кто твердит, что он мудрец,
Тот именно и есть глупец.
Глупцам, конечно, кум-приятель —
И этой книги покупатель.

Вот дураков предлинный ряд!
Найти свое здесь каждый рад:
Кто мудрости рудник алмазный,
Кто вредной глупости соблазны.
Да, книжка стоящая! В ней
Узришь всей жизни ход ясней.
Как говорится — смех и горе:
Здесь дураки всех категорий!
Мудрец найдет здесь мыслей клад,
Глупец собратьям будет рад.
А коль дурак поднимет бучу,
Колпак я сразу нахлобучу.
Сам не признается никто:
По имени зовешь — и то
Иной как будто удивлен,
Прикинется, мол, он — не он.
Но люди умные, бесспорно,
Похвалят труд мой стихотворный
И заключат вполне правдиво,
Что автор судит справедливо.
Пусть дураки на эти строчки
Зловонной брани выльют бочки, —
Будь это горько им иль сладко,
Скажу я правду для порядка.
Изрек Теренций ведь когда-то:
«За правду — ненависть нам плата».
Да, кто сует повсюду нос,
Бывает часто бит, как пес.

Стремиться надо, как известно,
Жить добродетельно и честно
И, чтобы быть всегда в чести,
Благоразумие блюсти.
Пусть мой небезупречен стих,
Но не щадил я сил своих,
Ночей не спал я напролет,
Дурацкий свой вербуя флот:
Кто нужен мне, сам не придет —
За картами и за вином
Проводит ночь и дрыхнет днем.
Обдумал я слова, манеры,
Поступки, подобрал примеры
И от усердия такого
Лишился сна, даю вам слово.

Мужчинам, женщинам пристало
Глядеть в дурацкое зерцало:
Оно в натуре, без личин
Представит женщин и мужчин.
Не меньше, чем глупцов, заметьте,
И дур встречается на свете.
Пусть прикрываются вуалью,
Я колпаки на них напялю
И потаскух не пощажу —
В костюм дурацкий наряжу!
Им любы шутовские моды —
Соблазн, беда мужской породы:

Игриво-остронос ботинок,
Едва прикрыт молочный рынок.
Упреки эти адресуя
Не дамам честным, попрошу я
Простить меня: о них ни слова
Я б не дерзнул сказать худого.
Но многим, — их числа не счесть,
И часть ничтожная лишь есть
На «Корабле глупцов», — им молча
Хлебнуть моей придется желчи.

Итак, внимательней читай
Ты эту книгу и считай,
Что, коль не назван в ней пока,
Избавлен ты от колпака.
Кто мнит, что он не мой герой,
Примкни покуда к умным в строй
И потерпи, будь малый скромный, —
Колпак получишь преогромный!

О БЕСПОЛЕЗНЫХ КНИГАХ

Вот вам дурак библиофил:
Он много ценных книг скопил,
Хотя читать их не любил.

*

На корабле, как посужу,
Недаром первым я сижу:
Скажите: «Ганс-дурак», и вмиг
Вам скажут: «А! Любитель книг!» —
Хоть в них не смыслю ни аза,
Пускаю людям пыль в глаза.
Коль спросят: «Тема вам знакома?» —
Скажу: «Пороюсь в книгах дома».
Я взыскан тем уже судьбой,
Что вижу книги пред собой.
Царь Птолемей собрал подряд
Все книги мира, говорят.

Весьма гордился Птолемей
Сокровищницею своей,
Но в грамоту не слишком вник —
И мало почерпнул из книг.

Я книги много лет коплю,
Читать, однако, не люблю:
Мозги наукой засорять —
Здоровье попусту терять.
Усердье к лишним знаньям — вздор,
Кто жаждет их — тот фантазер!
Хоть неуч я, а все ж могу
В академическом кругу
Блеснуть словечком «item» [1]. Да,
Латынь, конечно, мне чужда,
Родной язык доступней, но
Я знаю: «vinum» есть «вино»,
«Cuculus» — олух, «sus» — свинья,
«Dominus Doctor» [2] — это я.
Но уши прячу, чтоб не счел
Меня ослом наш мукомол.

[1] Так же (*лат.*).
[2] Господин доктор (*лат.*).

О СТЯЖАТЕЛЬСТВЕ

Дурак пред вами — скопидом.
Стяжать, стяжать любым путем —
Цель его жизни, счастье в том.

*

Дурак — добро копящий скряга,
Ему его добро не в благо.
Кому богатства он откажет,
Когда в свой час в могилу ляжет?
Но тот еще глупей стократ,
Кто промотать преступно рад
Все, что на время во владенье
Дано ему от провиденья.
А призовет господь к отчету —
Не будет снисхожденья моту.
Родне все отписав именье,
Глупец отверг души спасенье.
Боишься прыщика, глупец, —
Чесотку схватишь под конец!

Gaad her

Коль ты нечисто стал богат,
Ступай поджариваться в ад!
Наследник разведет руками,
И ни к чему надгробный камень
И щедрый дар на храм тому,
Кто в адскую низринут тьму.

Велел господь: «Последний грош
Отдай, покуда ты живешь!»
Мудрец — не жадный раб мамоны,
Его мечта — не миллионы:
Он больше горд самопознаньем,
Чем богатейшим состояньем.

Был алчным златолюбцем Красс —
И золотом опился раз.
Но, деньги в бездну моря бросив,
Кратет был истинный философ.

Кто бренных ценностей взалкал —
Втоптал живую душу в кал!

О НОВЫХ МОДАХ

Кто вечно только модой занят —
Лишь дураков к себе приманит
И притчей во языцех станет.

*

Что было встарь недопустимо,
Теперь терпимо, даже чтимо.
Считалось ведь не без причин,
Что борода — краса мужчин.
А ныне, кроме деревенщин,
Не отличишь мужчин от женщин:
На всех помада и румяна
(Раб Моды — та же обезьяна!),
И шея вся обнажена,
В цепях и в обручах она.

von strouffen frisch und unge schaffen
·VII
·1·4·9·4·

О, пленник Моды, до чего ж
Он на невольника похож!
Корзиной — волосы, кудряшки —
Как на овечке иль барашке.
Кто сушит голову в окне
На солнышке, кто при огне.
А вши — они не пропадут, —
Напротив, обретут приют
В несчетных складках сокровенных
Одежд моднейших, современных!
В кафтанах легких и в тяжелых,
Широкофалдных, долгополых,
В штанах, фуфайках и жилетах,
В пантуфлях, сапогах, штиблетах
Еврейский вкус царит опять!
Да, Мода то вперед, то вспять
Толкает нас неугомонно,
Свидетельствуя, что мы склонны
Всегда бродить туда-сюда
Путем порока и стыда.
Всесильна Мода, говорят.
И вот на ней другой наряд —
Кургузый, чуть не до пупа!
Но модников толпа глупа.
Позор вам, немцы! Прихоть Моды
Противна замыслам природы:
Что сокровенным быть должно,
То Модою обнажено.

Но есть всему пределы, сроки —
Страданьем платят за пороки.
Раб Моды иль ее раба,
И вас не пощадит судьба!

ДУРАЧКИ-СТАРИЧКИ

Вот-вот я в гроб уже сойду
Иль к живодеру попаду,
Но с глупостью живу в ладу.

*

Хоть стал я дряхлым стариком,
Слыву, однако, дураком:
Столетний глупенький младенчик,
Показываю свой бубенчик
Мальчишкам несмышленым я
(Сильна над ними власть моя!),
Мое ученье — им в забаву,
А я стяжать желаю славу.
В рай с этим не войдешь, о нет!
Пример мой плох, и плох совет.
Чему учен, тому учу,
Однако быть в чести хочу,
Осмелюсь даже тем похвастать,
Как посрамлен бывал я часто

haintz Nar

И уличался в странах дальних
В делах не очень-то похвальных.
Да, воду я люблю мутить
И не перестаю чудить,
А где не справлюсь я никак,
Поможет сын мой — Ганс-дурак.
Я за него не беспокоюсь —
Меня сынок заткнет за пояс!
Он дурью жив, он ею *дышит*, —
Дай срок — весь мир о нем услышит.
«Вот, скажут, истинный дурак:
Отец в сравненье с ним — сопляк!
Он так еще себя проявит,
Что весь дурацкий флот прославит!»
Отцам утеха на том свете,
Когда их тут сменяют дети!

Так повелось: не может старый
Быть мудрости законной парой.
А сколь чиста у старцев совесть,
Нам скажет о Сусанне повесть
И о ее клеветниках —
Двух похотливых стариках.

Старик-дурак себя погубит,
Коль он порок и кривду любит.

О ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ

Все те, кто озорства ребят
Не замечают, словно спят, —
Бед натерпевшись, возопят.

*

Глупцов глупей, слепцов слепей
Те, кто не воспитал детей
В порядочности, в послушанье,
Не проявив забот и тщанья,
Чтоб, как без пастыря ягненок,
С пути не сбился их ребенок.
И пусть — в дурной игре повинный —
Сам папенька с невинной миной
Не говорит: «Всех создал бог, —
Исправишь ли того, кто плох?»
Неправда! Учится ребенок
У мудрого отца с пеленок.

(Кто думает не так — дурак,
Ребенку и себе он враг!)
Все на лету хватают дети,
Соблазну попадая в сети.
Гнуть деревце ты можешь смело,
Пока оно не повзрослело,
А взрослое пригнул — сломалось!
Накажешь розгой... ну, хоть малость,
И смотришь — дурь из шалуна
Безбольно выгнала она.
Лишь строгостью добьешься толка:
Сорняк пророс — нужна прополка.

Жил праведно библейский Илий,
Но сыновья его грешили,
За что, покаран богом строго,
Он претерпел страданий много —
И умер в горе безутешном,
К сынам своим приравнен грешным.
Ах, дать бы юношам сегодня
Учителей поблагородней,
Как Феникс — тот, кого Пелей
Из сонмища учителей
Избрал для сына, Ахиллеса,
Дабы не вырастить балбеса!

Обрыскал Грецию Филипп —
И к Аристотелю прилип,

Чьим был учителем Платон,
Кто сам Сократом был учен.
Да, Аристотель, знанья солнце,
Учил героя Македонца!
Но современные отцы,
Отцы-скупцы, глупцы, слепцы,
Таких учителей находят,
Что время только зря изводят,
Готовя из учеников
Невежд, повес и дураков.
И то добро, коль неуч тот
Не полный — только полу...скот!

Тут, право, нечему дивиться:
От дурака дурак родится!
Но вы расплатитесь за это,
Когда ваш сын, как муж совета,
На столь почетном сидя месте
Блюстителя морали, чести,
Не раз почувствует в смущенье
Свое дурное обученье.
И поделом отец тогда
Сгорит от позднего стыда
И сожаленья: ведь не шутка —
Признаться, что взрастил ублюдка.

Посмотришь: этот — богохул,
Другой ударился в разгул,

Тот шляется по девкам, кутит,
Нечистые делишки крутит,
Четвертый, стыд забыв и страх,
Гляди, продулся в пух и прах!
Так с недорослями иными
Бывает, пустопродувными,
Которых с детства, на беду,
Не учат знаньям и труду,
Отдав учителям дешевым —
Невежественным, бестолковым.
А нравственность, влеченья, знанья
Зависят лишь от воспитанья.

Происхождению — почтенье,
Но сам ты — что? Происхожденье
Тобой не приобретено.
Богатство — тоже благо, но
Что есть оно? Судьбы каприз:
Прыжки мяча то вверх, то вниз!
И в славе — сладость, но она
Так ненадежна, неверна.
Прельщает тела красота,
Минула ночь — прощай, мечта!
Здоровье — клад, но с древних пор
Хворь начеку, как ловкий вор.
И сила — драгоценный дар,
Но где она, когда ты стар?!

Все преходяще, быстротечно,
И лишь наука долговечна.
Спросил Сократа Горгий встарь:
Был счастлив ли персидский царь,
Что в мире слыл владык владыкой,
Всесильем власти превеликой?
Сократ сказал: «А был ли он
В вопросах этики силен?»
Да, ни в богатстве, ни во власти
Нет без морали людям счастья.

О ТЕХ, КТО СЕЕТ РАЗДОРЫ

Под жернов лег дурак, который
Всех вовлекать привык в раздоры:
Хлебнет он муки и позора!

*

Известно, склочник был бы рад
Весь мир вовлечь в раздор, в разлад,
Чтобы шумела сплетня злая,
Враждой неистовой пылая.
Так не поранит острый нож,
Как ранит подлой сплетни ложь,
Причем лишь после обнаружишь,
Что это сделал тот, с кем дружишь.

А клеветник с ехидным смехом —
Утешен, горд своим успехом —
Злорадствует: «Кунштюк был тонкий:
Все шито-крыто, — я в сторонке!»
Мерзавец убежден, конечно,
Что тайну сохранит навечно.
Вот козырь-то его каков!
Не счесть таких клеветников,
Что разожгут коварной сплетней
Пожары распри многолетней.

К преступной цели напролом
Шел так же и Авессалом;
До времени неуязвимы,
Свои повсюду есть Алкимы,
Что сеют распри меж друзьями,
В ловушки попадая сами.
Того надежда обманула,
Кто весть о гибели Саула
Принес Давиду, но на месте
Царем казнен был за известье.
Тем кончили и два злодея,
Что умертвили Иевосфея.

Кто распри вспахивает поле,
Под жернов ляжет поневоле.
Почти всегда наверняка
Мы узнаем клеветника,

Хоть он коварен и хитер:
Дымится шапка — значит, вор!
Дурак — за дверью, но смотри:
Он там, а уши тут, внутри!

О ДУРНЫХ МАНЕРАХ

Тех, у кого манеры скверны,
И тех, кто чересчур манерны,
Зачислю я в свой флот галерный.

*

По длиннополому наряду,
По чванной поступи, по взгляду,
По поворотам головы,
Едва с ним встретились бы вы, —
Пусть он торопится иль, словно
Вельможа, шествует сановно,
Вы сразу бы решили: «Хват!
И пустоват и нагловат,
И быть подальше от него
Благоразумнее всего».
Но кто неглуп и кто воспитан,

В сужденьях и в делах испытан,
Того признает общий суд,
В пример другим превознесут.
Натура мудрая — стыдлива,
Миролюбива, не криклива,
Добра не занимать ей стать,
И с нею — божья благодать.
Благовоспитанность ценней,
Чем все богатства жизни сей.
Об истинно высоком нраве
Судить мы по манерам вправе.
Кто повседневно сам не очень
Воспитанностью озабочен,
К манерам скромным не привык,
Тот, значит, глуп и туп, как бык.

Что может быть достойней, краше,
Чем скромность, благонравье наше?
Где сын понятлив, уговорчив,
Воспитан, неподатлив порче,
Там горд и счастлив там отец:
Был милостив к нему творец.

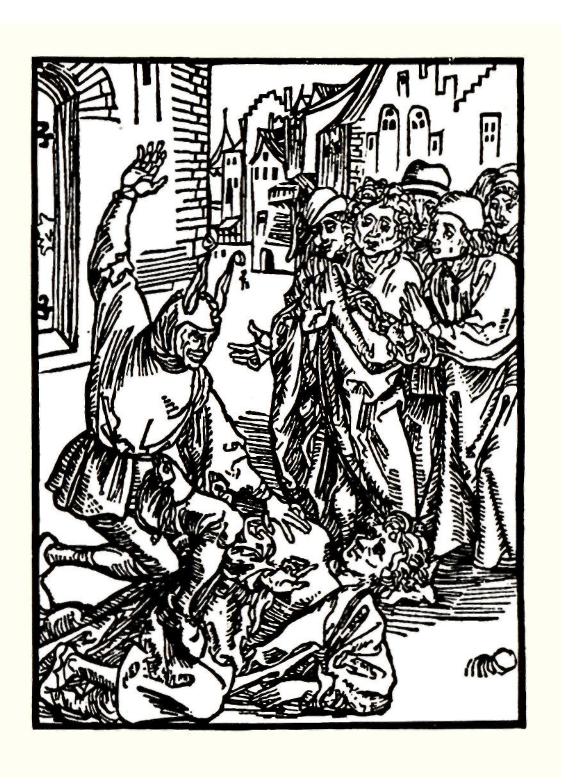
ОБ ИСТИННОЙ ДРУЖБЕ

Коль ты невинного избил,
Несправедливо оскорбил,—
Презренье ты себе купил!

*

Кто так ведет себя с людьми,
Дурак, дубина он, пойми:
Все возликуют ведь, когда
Придет и на него беда.
Кто друга обобрать намерен,
Который предан так, и верен,
И прямодушен был весьма,
Тот, видимо, сошел с ума.

Священна дружба навсегда нам
Царя Давида с Ионафаном;
Ахилл с Патроклом — образец
Двух чистых дружеских сердец,

И Сципион и Лелий... Но —
Друзей подобных нет давно!

Раз денег нет — и дружбы нет:
Стоит на этом нынче свет!
И к ближним что-то незаметно
Теперь любви ветхозаветной.
Во всем корысти торжество,
Кругом — свойство и кумовство:
Ведь Моисей, кто нас учил
Других любить, давно почил.
Кто себялюбью лишь послушен,
А к пользе общей равнодушен,
Тот — неразумная свинья:
Есть в общей пользе и своя!
Вы Каина везде встречали:
Раз Авель счастлив — он в печали.
Друзей, когда не станет денег,
Две дюжины продашь за пфенниг,
А если лучших соберешь,
Уступишь семерых за грош!

ОБ ОПРОМЕТЧИВЫХ ДУРАКАХ

Ездок неопытный, к тому же
Не подтянувший трок потуже,
Очутится, всем на смех, в луже.

*

С кем дружит Глупость, eo ipso[1],
Всегда вам скажет: «Что ж, ошибся!»
Коль ты верхом собрался в путь,
Проверить сбрую не забудь:
Кто, дело сделав, ждет совета,
Тому не впрок ни то, ни это,
А кто заране все обсудит,
Тот в дураках потом не будет.
Подумал бы вперед Адам,
Не влекся бы он к тем плодам,
И яблочком коль не прельстился б,

[1] В силу этого (*лат.*).

То с райской жизнью не простился б.
Когда бы понял Ионафан
Коварный Трифонов обман,
Не верил речи лицемерной,
Даров не взял бы, то, наверно,
Вернулся б невредим и жив он,
А в дураках остался б Трифон.
На что был Юлий Цезарь гений
И словопрений и сражений,
Но, мир вкушая, гений сей
Дал как-то маху, ротозей:
Письмо не сразу прочитал, —
И Брут в него вонзил кинжал.
И Никанор в просчете был —
Дичь продал прежде, чем убил.
Не повезло: остался вдруг
И обезглавлен, и без рук,
И вырван был потом, увы,
Язык из мертвой головы!

Успешен замысел, когда
Он своевремен, господа!
А торопыг с древнейших пор
Ждут неудачи и позор.

О ВОЛОКИТСТВЕ

Пленен Венерой, у плутовки
Ты, как дергунчик, на веревке.
Терпи, дурак, ее издевки!

*

— Я, жаркозадая богиня
Венера, возвещаю ныне,
В том присягая, что прямая
Дочь Ганса-дурня и сама я.
Кумир всесветный дураков,
Я юношей и стариков
Лишь захочу — и обольщу,
И всех в болванов превращу,
Перед собой повергнув ниц:
Не знает власть моя границ!
Тех, кто читали «Одиссею»,
Прошу припомнить я Цирцею,

И Калипс*о*, и хор сирен.
Таков и мой всесильный плен!
Кто мнит, что он умен, хитер,
С тем короток мой разговор:
В котел безумья погружу
И в дурачка преображу.
А кто моим рубцом отмечен,
Ничем не может быть излечен!

Мой озорной сынок — дитя,
По-детски он шалит, шутя,
Но, на его проделки глядя,
Иной сластолюбивый дядя,
Закореневший в волокитстве,
С ним соревнуется в бесстыдстве,
И, как ребенок, несмышлен,
Двух путных слов не скажет он.
Сынок мой наг — и в этом знак,
Что похоть скрыть нельзя никак!

Спокон веков из града в град,
Затем что мой сынок крылат,
Любви влекущая беда
Порхает всюду и всегда,
И нет — от сотворенья мира —
Капризней, чем она, кумира.
Лук держит мой Амур-пострел,
Полны его колчаны стрел,

Всегда на тетиве рука,
И, чуть заметит дурака,
Стреляет о н , — дурак сражен,
Остатков разума лишен
И, жертвой стать мне предназначен,
Пожаром страсти весь охвачен.
О, тот огонь неугасим!
Погублена Дидона им,
Медея, тем огнем объята,
Сожгла своих детей и брата.

Всех жертв любви мы не сочли б:
От страсти Несс-кентавр погиб,
И Троя натерпелась горя;
С горы низверглась Сафо в море;
Сирены пением влекли
К себе на гибель корабли;
И взнуздан был, и был оседлан
Мудрец один красоткой подлой;
На воздух воспарил Вергилий,
Хоть бог ему и не дал крылий.
За курс искусства страсти пылкой
Овидий поплатился ссылкой...
Кой-кто мог мудрым слыть, когда б
Он не был блудодейства раб.
Кто женский пол чрезмерно любит,
В себе живую душу губит:

Как богу богово воздать,
Коль слишком дамам угождать?
Хоть знатный будь, хоть низкий люд,
Беда и срам — цена за блуд.

Глупец отъявленный, кто мнит,
Что в блуде меру сохранит:
Распутникам, как говорят,
Все нипочем, сам черт не брат...

Одно тебе, дурак, лекарство:
Колпак! Носи и благодарствуй!

БРАЖНИКИ-ГУЛЯКИ

Бродягой, нищим тот умрет,
Кто вечно кутит, пьет и жрет
И лишь с гуляк пример берет.

*

Колпак ты на того надень,
Кто день и ночь, и ночь и день
Рад брюхо поплотней набить
И полной винной бочкой быть,
Как будто жизнь он взял на откуп
С единой целью: больше в глотку б!
Он за день виноградных лоз
Погубит больше, чем мороз.
Дадим такому человечку
На корабле глупцов местечко!
С ума сведет его вино —
Под старость скажется оно:

Трясуч, дурашлив, голос пропит, —
Свой смертный час он сам торопит.
На свете нет порока гаже:
Муж просвещенный, мудрый даже,
Предавшись пьянству, до конца
Лишится славы мудреца.

Пьешь в меру — разговор иной.
Не снес вина и старец Ной,
Хотя в ту пору в мире целом
Был самым первым виноделом.
Вино и мудрых в грязь повалит
И колпаки на них напялит.
Когда израильский народ
Вливал, бывало, лишку в рот,
Он, как заведено меж пьяниц,
Шумел, плясал безбожный танец
Вкруг изваяния тельца
Языческого образца.
Недаром бог во время оно
Пить запретил сынам Аарона.
Но в наши дни какой священник
Той заповеди не изменник?!
Хлебнул и Олоферн беды,
И головы и бороды
Лишась, когда был пьян однажды.
И — жертва той же самой жажды —
Бывал и Александр пьян,

Свой унижая царский сан,
И делал то, о чем потом
Сам вспоминал с большим стыдом.
Кто весел от вина сегодня,
Заплачет завтра в преисподней.

Когда б не пьянство, то вовек
Не знал бы рабства человек!
Чревоугодье, пьянство — страсти,
Чьи спутники — нужда, несчастье.
Отцам и сыновьям равно
Страданьями грозит вино,
Коль ты его хлебать привык
С кем ни на есть, как воду — бык.
Ах, мало ли таких гуляк,
Кому как дом родной кабак:
Пришли — кабатчик наготове,
Две ляжки подал им коровьи,
Миндаль, изюм и рис принес,
А чем расплатятся — вопрос!
Все стали бы мудрей вдвойне,
Будь капля мудрости в вине,
Что пьют сверх меры и сверх силы
Обжоры, пьяницы-кутилы,
Друг дружке наливая кружку
И побуждая пить друг дружку:
«Твое здоровье!.. Пей!..» — «Смотри,
До дна, до капли!..» — «На пари!..»

«Налить?» — «Налей!..» Пьют дуралеи,
Себя нисколько не жалея:
Раз — в кружку, два — и в глотку. Ловко!
Намылить бы для них веревку!
Поистине, ведь нет другой
На свете глупости такой!
Прочесть мы можем у Сенеки
(Мыслитель, живший в первом веке):
«Боюсь, что трезвых мир осудит,
А уважать лишь пьяниц будет,
И чтобы знаменитым быть,
Вина придется больше пить».

Но я в виду имею тут
И тех, кто пива много пьют.
Пьет умный в меру, а болван —
Хоть бочку, хоть бродильный чан.
Однако долговечней тот,
Кто понемногу, с толком пьет.
Приятно лишь во рту *вино*, —
В утробе мучит нас оно,
Всю кровь пропитывает ядом,
Как василиск смертельным взглядом.

О СЛУГАХ ДВУХ ГОСПОД

К двум господам слугой наняться —
За парой зайцев сразу гнаться:
Полезно в глупости сознаться!

*

Тот глуп, скажу без церемоний,
Кто служит богу и мамоне.
Слуга, служа двум господам,
Ни тут не справится, ни там.
Кто хочет жить с пяти ремесел,
И об одном бы думать бросил.
С одной собакой, хоть убейся,
Поймать двух зайцев не надейся;
Не то что двух — скорей всего,
Не схватишь ты ни одного.

Кто много должностей имеет —
Ни на одной не преуспеет.
И тех, кто служит там и тут,
И там и тут напрасно ждут.
Всем не услужишь никогда:
Ты станешь путать «нет» и «да»,
Из всех отбросов есть окрошку
И разбиваться весь в лепешку,
Льстить, и пред каждым унижаться,
И ни на что не обижаться.
Нагреет руки, говорят,
Кто лишнему местечку рад,
А тот, кто соблазнен вином,
Не видит радости в ином.
Хвала и честь слуге тому,
Кто верно служит одному...

Осел подох — изголодался:
Хозяев многих навидался!

О БОЛТУНАХ

Язык на привязи держать —
Душе от страха не дрожать.
Честь болтовнею не стяжать.

*

Несносен тот глупец, который
Со всеми затевает споры,
Хоть люди и молчат кругом,
В душе смеясь над дураком
Иль скрыть негодованье силясь:
«Вновь диспутировать он вылез!»
Тем, кто не к месту рад болтать,
Им «Братство дураков» под стать.
Хоть и не спрошен был, а сам
Дурак спешит ответить вам,
Как бы самодовольно бряк:
«Любуйтесь, люди, я — дурак!»

Болтун и болтовнею сыт,
Но горек будет поздний стыд!
И документы, коль захочет,
Болтун преступно опорочит:
Болтать ему не трудно, — вот
Когда на исповедь придет,
Тут отнимается язык,
Тут он заика из заик!

Иной бы умным показался,
Когда б, на грех, не разболтался.
Забарабанил дятел в ствол —
К своим птенцам тебя привел.
Молчанье — щит от многих бед,
А болтовня всегда во вред.
Язык у человека мал,
А сколько жизней он сломал,
Свой проявляя низкий норов, —
Виновник сплетен, склок, раздоров!
Но вот чего не взять мне в толк:
И хищников — будь лев иль волк —
Всех можно укротить, и лишь
Язык людской не укротишь:
Он то лопочет, то стрекочет,
Всех, кто нам дорог, опорочит,
Предатель он и клеветник,
Наш злой, издевчивый язык!
Язык лишь тем вредить не в силе,

Кто вечным сном уснул в могиле.
Язык — хитрец и лжец исконный,
Толкует вкривь и вкось законы,
Добро он в зло преобразит,
Любую правду исказит
И из суда наверняка
С сумою пустит бедняка.

Что болтуну? Как хочет врет,
Вранье щекочет сладко рот,
И ради красного словца
Предаст и мать он и отца.
Напыщенного пустослова
Толпа превозносить готова,
А уж коль знатность налицо,
На ком потоньше сукнецо,
Наряд богатый, кольца блещут,
Тех уж никто не оклевещет!
Кафтан потертый не в чести —
С ним власти не приобрести.
Когда бы дожили до нас,
Ораторствуя и сейчас,
Два златоуста из Афин —
Сам Демосфен и с ним Эсхин,
И Цицерон, — их знаньям грош
Была б цена, и пышно ложь
В их красноречье б распускалась,
Чтоб глупость ими увлекалась.

Грех не в опаску болтунам,
А лжец — друг ненадежный нам.
Кто имя божие хулит,
Хулы своей не утаит,
Куда б ему ни удалиться:
Слова его подхватят птицы.
Расплата будет так горька:
Длинна у господа рука!

Кто бревна тешет над собой,
Исхлестан острою щепой.
Разинутый не в меру рот
Отвратнейшую дрянь сожрет.
Дурак красно болтать желает,
Мудрец молчит и размышляет.
Дороже ценится молчанье,
Чем празднословья недержанье.

Молчанью — золота цена,
А речь бесценна, коль умна!

ДРУГИХ ОБЛИЧАЮТ —
СЕБЯ ПРОЩАЮТ

Кто вас послал сухою тропкой,
А сам пошел дорогой топкой,
Не мозгом наделен, а пробкой.

*

Дурак безмозглый, кто хулит
Путь, что судьба ему сулит.
Рука к столбу пригвождена —
Указывает путь она,
Но ей самой на том пути
Вовек ни шага не пройти.
Кому сучок попал в зрачок,
Пусть раньше вытащит сучок,
А другу говорит потом:
«Соринка, мол, в глазу твоем».

Куда как жалок тот учитель,
Чужих пороков обличитель,
Кто, зараженный ими сам,
В себе не видит их! О, срам!
Поистине, как говорится:
«Врачу сначала б исцелиться!»

Давать советы все не прочь,
Не зная, как себе помочь.
Сгубило именно сие
И Жантили и Мезюэ,
Когда одну болезнь в те дни
Пытались вывести они,
Но, не достигнув этой цели,
Оставить труд о ней успели.

Постыдные дела видны
Не лучше ли со стороны,
Чем те, кто, совершивши их,
Достигли степеней больших?

Делами заработай право
Других учить себе во славу.

О БЕРУЩИХ ВЗАЙМЫ

Знай ты, живущий на долги:
Как ни хитри и как ни *лги*, —
Быстры платежных дней шаги!

*

Глупцом первейшим тот слывет,
Кто вечно займами живет,
На ту присловицу плюя,
Что поместил в эпиграф я.

Заблудших душ на свете много,
Не внемлющих заветам бога.
Соблазн пороков побороть
Не хочется им, но господь
Следит за ними. Близок срок,
А кредитор небесный строг.

Свое всему есть время, цель
И свой же путь: отсель — досель.
Кто любит брать взаймы, уже
Не думает о платеже:
«Ах, поручитель похлопочет —
Заимодавец долг отсрочит!»
Но, в срок не уплатив опять,
Придется на соломе спать.

Распляшется осел, прохвост, —
И не уймешь, хоть вырви хвост!

О БЕСПОЛЕЗНОМ УЧЕНИИ

Кто плохо учится, тот, значит,
Сам же себя и околпачит —
И горько под конец заплачет.

*

Я и студентам не потатчик,
Которым без моих подачек,
А как эмблема их ученья
Колпак присвоен для ношенья.

Не видя в книгах интереса,
Рад лоботрясничать повеса.
Науку истинную в грош
Не ценит часто молодежь,
А все, что дурно, бесполезно,
То ветрогонам и любезно.
Но этот же порок — о, срам! —

Присущ иным профессорам,
Чьи знанья куцые ничтожней
Их болтовни пустопорожней.
Ну, не глупцы ли, не болваны,
Кто всякой чуши постоянно
Своих студентов бедных учат,
Да и себя напрасно мучат?

Да, юноши обыкновенно
Поныне едут в Лейпциг, в Вену,
И в Майнц, и в Эрфурт, в Базель тоже —
Гнилой трухой питаться. Боже,
И в Гейдельберге до сих пор
Все тот же изучают вздор!
А дома ждет тебя позор:
В карманах пусто — хоть бы грош!
Добро, коль службу ты найдешь,
Как парень грамотный, в печатне.
Но кой-кому в шинке приятней
Пьянчугам подавать вино,
А спился там — пошел на дно...

Таких встречали вы и сами:
Колпак на каждом с бубенцами!

ЗАВТРА, ЗАВТРА — НЕ СЕГОДНЯ...

Кто, как ворона «кра, кра, кра»,
Твердит: «До завтра, до утра!» —
Тому колпак надеть пора.

*

Глупец, кто, внемля голос божий:
«Спеши, чтоб не взыскал я строже,
Исправься, грешный путь забудь!» —
Сам не спешит на правый путь:
Мол, нынче неохота, лень,
Живу, мол, не последний день, —
Исправлюсь завтра. Кра, кра, кра!
А доживет ли до утра?

Crab
Crab
Crab

Дурак себя же мучит тяжко,
И все отсрочка, все оттяжка!
А грех и глупость — тут как тут —
С весельем рядышком идут.
Клянется часто сын заблудший:
«Уж завтра-то я стану лучше!»
Но это «завтра» никогда
Не наступает, вот беда!
Как снег растаявший, как дым,
Заветный день неуловим.
И только одряхлев, глупец
В то завтра вступит наконец,
Расслаблен, немощен уже,
С тоской раскаянья в душе.

Спеши сегодня лучше стать —
Не будешь завтра так страдать.
Звучало нынче божье слово,
А прозвучит ли завтра снова?
Кто исправляться завтра любит
И все грешит, тот душу губит.

О КАРАУЛЬЩИКАХ СВОИХ ЖЕН

Кто охранять стрекоз возьмется
Иль воду наливать в колодцы,
Пусть за женой следить берется.

*

День-два хороших, сто плохих
У глупых стражей жен своих.
Коль истинно честна жена,
За нею слежка не нужна,
А коль жена блудлива, лжива,
То своего добьется живо.
Какой ни учреди надзор,
Возьми все двери на запор,
Ставь караульных у ворот, —
Она всех за нос проведет.

hüt fas

И в башню заточи, иная
Родит младенца, как Даная.
А Пенелопу — без надзора —
Хоть осаждали ухажеры,
Но мужу двадцать лет она,
В разлуке с ним, была верна!

Кто знает, что наверняка
Ни разу не бывал пока
Женой обманут, что жена
Заботлива, добра,
И не боится он измены,
Тот истинно супруг блаженный.

Хоть будь красавицей жена,
Но если дурой рождена,
С ней, как с глухой кобылой, мука:
Как ни причмокивай, ни *нукай*, —
Пошел на ней *пахать*, — бог мой! —
Бороздки ни одной прямой!

Жена, что служит всем примером,
К таким привержена манерам:
Глаз на мужчину не поднимет,
Словца любезного не примет,
Боясь, что льстивый хват-угодник —
Злой волк в овечьей шубе — сводник...

Париса некогда сама
Елена не сведи с ума,
Дидона не прельстись Энеем, —
Судьба была б добрей к обеим!

О ПРЕЛЮБОДЕЯНИИ

Где смотрит муж сквозь пальцы, там
Жену с чужим он сводит сам:
Там кошке смех и плач мышам.

*

Хоть любодействуй в наши дни,
Хоть походя кого толкни, —
Оно теперь и не грехом
Считается, а пустяком!
И в грешном Риме святость брака
Не смели осквернять, однако —
Что Цезаревы нам законы,
Что Юлиевы нам препоны?!
Дом, где хозяин Ганс-тюфяк, —
Содом: «Ты дура!» — «Сам дурак!»

«Ты начала!» — «Молчи!» — «Отстань!»
Так день-деньской раздоры, брань, —
Летит горшок, шумовка, тяпка,
А муженек, растяпа, тряпка,
Лицо — в ладонь и норовит
Прикинуться, что крепко спит.

Стар иль во цвете лет супруг,
Все женам нынче сходит с рук,
Все переварит муж-ублюдок, —
Луженым стал мужской желудок!
Мужья, подобные Катону,
Который в Риме в годы оны
По доброй воле был рогат,
Жену свою сдав напрокат, —
Не станут плакать, в драку лезть,
Супружества спасая честь.

Коль муж, уверясь, что жена
Заведомо пред ним грешна,
Жить продолжает с нею, он,
Я полагаю, не умен:
Он сам способствует жене
И впредь блудить на стороне.
Язвят соседи: — Не иначе,
Как в доле он с женою падшей,
И, с ней деля барыш развратный,
Он любит слушать, вероятно,

Кладя доходец в кошелек,
Ее слова: «Мой муженек,
Мой Гансик, знай, что из мужчин
Мне всех желанней ты один!..»

С ума все кошки сходят, лишь
Отведают впервые мышь,
А женщины, вкусив однажды
Любви с другим, любовной жажды
Не могут утолить: чем чаще,
Тем грех прелюбодейства слаще!
Что стыд, что честь, что мужа власть?
С мужчиной новым жарче страсть!

Поэтому мужьям и нужно
Жить с женами в согласье, дружно,
Чтоб повода не подавать им
Ко внесупружеским объятьям.
С женою обращайся ровно,
Порадуй ласкою любовной,
Не ссорься с ней по пустякам,
Не доверяй клеветникам,
Но, чтоб не каяться потом,
Зови гостей пореже в дом!
Знай: чем жена твоя пригожей,
Тем осторожней будь и строже —
Ведь мир коварством, ложью жив,
И каждый скрытен и фальшив.
В дом к Менелаю не вотрись,

Прельщен Еленою, Парис,
С женой остался б царь спартанский —
И не было б войны Троянской.
Когда б, уйдя на ту войну,
И Агамемнон-царь жену
Не оставлял бы на Эгиста,
С ней бывшего в связи нечистой,
С войны вернувшись, дома он,
Конечно б, не был умерщвлен.
Канд*а*вл-царь, глупец другой,
Супругой хвастался нагой:
Кто рай укромный ценит мало —
Его разделит с кем попало.
Спокойней в браке те живут,
Кто реже в дом гостей зовут,
Особенно льстецов, пройдох,
Способных на любой подвох.

Слыви скупее всех скупцов —
Не высидишь чужих птенцов.
Гость, что за пазухой приносит
Гадюку, — он ее подбросит!
Не медли — это враг твой злой:
Такого — из дому метлой!

ГЛУПЕЦ ОСТАНЕТСЯ ГЛУПЦОМ

Ума набраться рад бы всяк,
Но, если глуп ты, как гусак,
Умней не станешь — так иль сяк!

*

Тот, кто, внимая мудрецам,
Ума не приумножит **сам**, —
Дурак: все знать он хочет, но
Все ему слишком мудрено.
Глупцов легко распознавать:
Что увидали — то и хвать!
Известно испокон веков:
Новинка — слабость дураков.

Но и новинка старой станет —
И вот уже другая манит.
Куда б глупец ни ездил, он
Все так же глуп, непросвещен.
Так гусь иной через забор
Перелетит в соседний двор —
Сюда нога, туда нога, —
Спроси, что видел: «Га-га-га!»

Поехать в Павию, иль в Рим,
Иль даже в Иерусалим,
Скажу,—заслуга небольшая.
А, знания приумножая,
Чужие посещать края
Считаю делом добрым я.
Но если даже привезешь
И сотню крестиков, ты все ж
Не будешь доблестью отмечен,
Ибо тебе хвалиться нечем,
Коль столько стран ты обошел,
А глуп остался, как осел.

Не изучил бы Моисей
Египетской науки всей
И Даниил бы не был склонен
Усвоить мудрость вавилонян,—
О них не знал бы мир земной!..
Придет на исповедь иной

Очиститься,— мол, совесть жжет,—
А сам хитрит, лукавит, лжет,
И так уйдет с душою черной.
Гляди — унес на шее жернов!

О БЕЗРАССУДНОМ ГНЕВЕ

Того, кто шпорит то и дело
Осла, горланя обалдело,
Считать ослом ты можешь смело!

*

Дурак осла или ослицу
Намерен вскачь пустить и злится,
И, трезвый будь или хмельной,
Рычит на всех, как пес цепной:
«Рр...рррр!» Он, по-собачьи злобен,
Людей встречать лишь так способен
И думает, что страшен всем:
«Пррровчь! Ррррастерррзаю!» А меж тем
Прохожий, размышляя здраво,
Махнет рукой: «Взбесился, право!
Судьба ли нас карает злая,
Таких болванов насылая,
Забыв, что видывали многих
И раньше мы скотов двуногих?!»

Лишает гнев рассудка нас —
Не знаем, что творим подчас.
Быть должен сдержан человек.
Архит, ученый, мудрый грек,
Лишь доведет его, бывало,
Слуга до белого накала,
Кричал: «Не будь я в гневе яром,
Уж это не сошло бы даром!»
Так и Платон, так и Сократ
Собой владели, говорят.
Кто прав, становится не прав,
Терпенье в гневе потеряв.
Впадает в грех, кто был несдержан,
Кто гневу быстрому подвержен.
И благочестью гнев вредит:
Что за молитва, коль сердит?
Лишась тигрят своих, тигрица
Не так, пожалуй, разъярится,
Как вспыльчивые дураки,
Что на внезапный гнев легки!

Ум и в седле уравновешен,
Гнев на осле несется, взбешен.

САМОВОЛЬСТВО
И САМОНАДЕЯННОСТЬ

Коль мы, упорствуя, проказим
И дерзко в гнезда птичьи лазим,
То часто шлепаемся наземь.

*

Того изранит куст колючий,
Кто мнит, что он всегда всех лучше,
Что стал во всем он знатоком
И не нуждается ни в ком.
Однако на прямом пути
Не будет знать, куда идти,
А в месте новом, незнакомом
Заблудится он рядом с домом.
В беде таким зазнайкам худо:
Нет помощи им ниоткуда!

Пожалуй, может впасть и в ересь
Глупец, в себе одном уверясь:
«Я, мол, в делах житейских дока, —
Всех благ добьюсь, взлечу высоко!»
Дурак, взобравшийся повыше,
На дерево или на крышу,
Мечтал о славе, остолоп,
Но с высоты вдруг наземь шлеп!

Для корабля страшнее бурь
Самоуверенность и дурь.
Всем, кто к советам глух, — беда:
Не преуспеют никогда!
Не верил Ною мир, и вот —
Потоп унес людей и скот!
За то, что жил беспутно очень,
Корей землею был проглочен.

Владея не умом — умишком,
Кто так самонадеян слишком,
Охотно распороть готов
Никем не шитый плащ Христов!

О НЕПОСЛУШНЫХ БОЛЬНЫХ

Больной, твердящий слово «нет!»
На каждый докторский совет,
Спешит, как видно, на тот свет.

*

Больной — глупец, когда совету
Врача не внемлет и диету
Блюсти не хочет. Плачь
не плачь,
Тут не поможет лучший врач!
Кто воду пьет, а не вино,
Хоть нужно именно оно,
И прочего не соблюдает,
Притом упрямо утверждает,
Что чувствует себя бодрей,
Тот в гроб уляжется скорей.

Дабы забыть свои болезни,
Начать лечение полезней,
Едва еще недуг опознан.
А если начинают поздно,
То от лекарства меньший прок
И больший тут потребен срок.
Сказав: «Здоровым быть хочу»,
Ты язву покажи врачу
И хоть зубами сам скрипи,
А боль от скальпеля терпи,
Промыть дай рану, и зашить,
И с перевязкой поспешить.
Не душу твою вырвать хочет —
О жизни твоей врач хлопочет!

Пусть жизнь в больном уж еле тлеет,
Отчаиваться врач не смеет,
И пациент, покуда дышит,
Пусть бодрый глас надежды слышит.
Больной, что лжет врачу, — глупец:
Себя же губит он, как лжец,
Что лгать на исповедь приходит
Иль адвоката за нос водит.
Лжецы глупцам всегда сродни:
Во вред себе же лгут они!
Глуп, кто врача позвал, но сразу,
Врачебному не вняв наказу,
Идет, поверив ложным слухам,

К невеждам — знахаркам-
старухам,
А те травой, и наговором,
И прочим ворожейным вздором
Его отправят прямо в ад,
В чем сам он будет виноват.
Всему готов поверить тот,
Кто исцеленья страстно ждет,
А глупых суеверий зло
Чрезмерно ныне возросло.
Я б описал их, но облыжно
Признают книгу чернокнижной.

Больным избавиться б от хвори, —
Не ищут, где недуга корень.
И черту душеньку заложит
Иной больной — авось поможет.
А где вмешалась чертовщина,
Бессильна часто медицина...

О СОБЛАЗНАХ ГЛУПОСТИ

Дурак упал. Над ним смеясь,
Колпак надеть поторопясь,
Ты сам упал, разиня, в грязь.

*

Что падают глупцы — не чудо,
Над этим все смеются всюду,
И «умники» язвят: «Дурак!» —
А на самих сидит колпак.
«Дурак» — излюбленное слово,
Когда дурак честит другого,
Но между ними ни на грош
Ни в чем различья не найдешь:
Споткнулся этот на дороге —
Другой ломает тут же ноги.
Хоть строгой Аталанты меч
Срубил голов немало с плеч

У Гиппомена на глазах,
Но он, чудак, презревши страх,
Судьбу испытывать решился —
И сам чуть жизни не лишился!

Слепцу корить слепца нелепо:
Ведь оба в равной мере слепы!
Бранил однажды рака рак:
«Ты что назад ползешь, дурак!»
Но сам за другом полз он вспять,
Чтобы мораль ему читать.

Пониже бы летел Икар,
И Фаэтон, как на пожар,
Не стал бы в отчей колеснице
Так лихо по небу носиться,
Забыв родительский запрет,—
Не умерли б во цвете лет!..

Тот к умным должен быть причислен,
Кто в корень зрит и здравомыслен.
Воистину, мудра лисица:
Войти в пещеру побоится
(Какой бы там ни ждал обед),
Когда следов оттуда нет.

МАЛО ЛИ ЧТО БОЛТАЮТ

От лисьего хвоста греметь
Не будет колокола медь.
Ушам от сплетен не болеть!

*

Кто хочет с миром ладить, тот
Немало горечи испьет,
Выслушивая, как о нем
Под собственным его окном
Такое говорят, что гаже
Придумать невозможно даже.
Поэтому блаженны те,
Кто, равнодушны к суете,
Покоя мудрого взыскуя,
Отвергли маету мирскую —
И, в горы, в долы удалясь,
Мирских грехов отмыли грязь.

Но мир, однако, и таких
Не любит, не щадит он их,
О них злословя, им не веря,
Всех лишь своим аршином меря.

Кто жить по совести решит
И против чести не грешит,
Чт*о* ему сплетни дураков,
Чт*о* языки клеветников!
Когда бы в оны дни пророки
Боялись обличать пороки,
Дабы не знать хулы, клевет, —
О них давно забыл бы свет.

Нет, да и не было от века
Такого в мире человека,
Чтоб угодил во всем любому
Болвану злому и тупому.
Родился б человек такой,
Каким бы чудным был слугой:
Старался б до свету вставать
И вообще забыть кровать!

Заткнуть бы глотки болтунам —
Увы, не хватит кляпов нам!
Нельзя предусмотреть никак
Того, что сочинит дурак.

Так в мире повелось оно —
Избегнуть сплетен не дано:
Кто любит петь, кто кукарекать,
Баран-дурак привык бебекать.

ШУМ В ЦЕРКВИ

Пришедший в храм с собакой, с птицей,
Перед глупцами похвалиться,
Мешает остальным молиться.

*

У тех, кто ходит в церковь с псами,
Бубенчики обычно сами
На колпаках звенят, бренчат,
Чуть псы залают, заворчат.
И сокол дерзкого повесы
Так крыльями во время мессы
Захлопает, что смолкнет пенье —
И хоть кончай богослуженье.
Тут остается с ловчей птицы
Снять клобучок, и — что стыдиться! —
Теперь болтай и хохочи,
И подбашмачными стучи

Ты деревяшками, бесчинствуй
И совершай любое свинство!
С какой-нибудь Кримгильдой здесь
Перемигнись, поклон отвесь, —
Красотка улыбнется — значит,
Не сомневайся: одурачит!..

Не лучше ль было бы, однако,
Чтоб сторожила дом собака,
Покуда в церкви ты, и вор
Не мог бы в твой проникнуть двор?
Не лучше ль было бы, чтоб твой
Пугач, твой кречет боевой
Был дома, на привычном месте,
В чулане темном, на насесте?
Чтоб обувь не просила кашки,
На улице бы деревяшки
Привязывал ты к башмакам —
И грязь не липла бы к ногам.
Когда бы в церкви болтуны
Не нарушали тишины,
Не говорили б мы, что бог
Плодить глупцов поменьше б мог.
Но дураки такой народ:
Шумят и норовят вперед!

Всем нам пример — Христос: из храма
Гнал торгашей он взашей прямо,
И тех стегал веревкой даже,

Кто голубей держал в продаже.
Разгневайся он так сегодня,
Заглохли бы дома господни.
Он, от попов очистив храм,
Добрался б и к пономарям!
Священен дом церковный: тут
Господь свой основал приют.

О ДУРАКАХ, ОБЛЕЧЕННЫХ ВЛАСТЬЮ

У глупости шатер просторный —
Весь мир тут суетный и вздорный,
Мошны и силы раб покорный.

*

Глупцов кругом так много... но
Оно ведь и немудрено:
Кто сам себя средь мудрых числит,
Тот дураком себя не мыслит,
Хоть он-то именно кругом
Слывет примерным дураком.
Но дураком назвать попробуй
Властносановную особу!
Казаться умными им нужно,
Чтобы глупцы хвалили дружно,
А не похвалят — каждый сам
Себе воскурит фимиам.

Но мудрый хвастуна узнает:
Ложь самохвальная воняет!
Кто чересчур самонадеян,
Тот глуп, посмешище людей он!
А тот, кто истинно умен,
Молвой всеобщей восхвален...

Блаженны страны, в коих славят
Князей за то, что мудро правят,
И где в совете нет мздоимства,
Где не в почете подхалимство
И нет распутства кутежей
Средь власть имеющих мужей.
Но горе странам, чей правитель
Глупец и правды не ревнитель:
С утра совет там кутит, пьет,
Не ведая других забот.
Иной бедняга, рыцарь чести,
На скромном, незавидном месте
Счастливей, чем король-дурак,
Кому беспечность — злейший враг.
Как мудрецы скорбеть должны,
Когда глупцы вознесены!
Но там, где глупость не в фаворе,
Там власть и благо не в раздоре.
В чести и силе та держава,
Где правят здравый ум и право,

А где дурак стоит у власти,
Там людям горе и несчастье.

Угодник мерзок нам везде,
И тем презреннее в суде:
Он может истину продать —
За грош тебя оклеветать.
Бесспорно, лавры судей ждут,
Чей нелицеприятен суд,
Однако ж и поныне люди
Страдают от неправых судей,
Подобных тем, что молодой
Сусанне мстили клеветой.
Заржавели, лишились блеска
И папский меч, и королевский
И не секут, где надо сечь,
Чтоб беззакония пресечь.

Подвластно все на свете злату.
О Риме так сказал когда-то
Югурта-царь: «О город блудный!
Тебя купить ничуть не трудно,
Лишь был бы кто купить готов!..»
А ныне мало ль городов,
Где и советы и суды —
Бессовестные слуги мзды?
Так рушат правые порядки
Власть, кумовство, корысть и взятки!..

Бывало, мудр был государь,
Ученые, бывало, встарь
В совет старейшин избирались,
А преступления карались;
В довольстве люди жили, мирно.
Но глупость полог свой обширный
Простерла над землею всей,
Вербуя в рать свою князей,
Чтоб здравомудрость угнетать,
Любостяжанью волю дать
И чтоб неопытный совет
Гнездовьем был народных бед,
Которых множится число.
Вот глупости всесветной зло!..

И дольше б княжил князь иной,
Когда б не стал на путь дурной,
А защищал бы справедливость
И льстивость бы карал и лживость
Советников, которых надо
Еще задабривать наградой!
Кто взял подачку — прихлебатель,
Кто принял взятку — тот предатель.

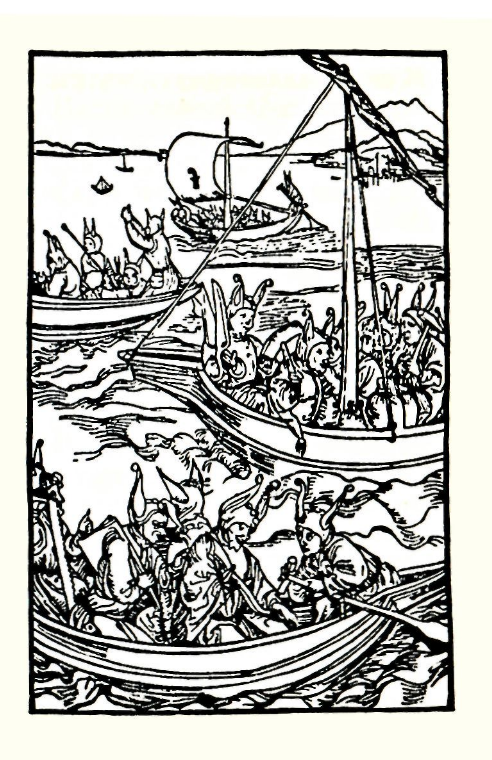

КОРАБЛЬ РЕМЕСЛЕННИКОВ

Под скрип снастей, под всплески весел
С мастеровыми всех ремесел
Корабль от берега плывет
По вольному простору вод.
Мастеровые эти люди
Везут своих цехов орудья.
Но нет респекта в наши дни
К ремеслам. Портачи одни
И проходимцы-шарлатаны
Все — хоть ни два ни полтора —
Преуспевают, как ни странно.
Сегодня лезут в мастера:
Ремесел много — и теперь им
Житье, невеждам-подмастерьям,
И даже тем, кто и недели
Учиться делу не хотели!
Работают того лишь ради,
Чтобы соседу быть внакладе.

Чуть цену сбавил — хоть беги:
Все в городе тебе враги!
А не уступишь — большинство
Тебя поддержит для того,
Чтоб цены сохранить. А все ж
Цена дрянной работе — грош!
Но эти самые строптивцы
Сбивают цену, нерадивцы,
Плохой работой. Так у всех:
Тот назову иль этот ц е х , —
Свои изделья сбыть готовы
Все нынче по цене дешевой.
Но вещь плохая не нужна,
Как дешева ни будь она.
Теперь ведь каждый норовит
Придать вещам лишь внешний
вид,
А для любого ремесла,
Воистину, нет хуже зла!

Я вам признаюсь кое в чем:
Немало с этим дурачьем
Я сам якшался, чтоб о них
Поведал мой правдивый стих.
Но многого я не сказал:
За два-три дня все написал,
А то, что делается спешно,
Никак не может быть успешно.

Принес один мазила раз
Свою картину напоказ
К прославленному Апеллесу.
Придать себе желая веса,
Похвастал он: «С такой картиной
Я справился за день единый!»
Но Апеллес в ответ: «Да ну?
За целый день — всего одну?!
По этой судя, я считал,
Что за день ты штук шесть
создал!» —
Мазиле так сказал художник...

Теперь представьте, что сапожник
Стачал сапог пар двадцать в день:
Рассыпались бы, чуть надень!
Сколь было бы для всех плачевно,
Коль оружейник ежедневно
Ковал бы дюжину клинков,
Снабжая ими простаков?
От них не прок, а лишь помеха:
С плохим оружьем не до смеха!
А если плотник без смекалки
Бревно для потолочной балки
Начнет тесать — так от бревна
Щепа останется одна!
И каменщиков есть немало,
Кирпич кладущих как попало.

Есть у портных свои грешки:
Длиннее делают стежки —
Скорей заказ готов. Увы,
Недолговечны эти швы!
А те, кто при печатном *деле*, —
Весь заработок за неделю
Беспечно в день один пропьют!
И то сказать, не сладкий труд —
И утомительный, и грязный:
Иль с мелочью разнообразной
Возись, иль книгу набирай,
И корректируй, и сверяй,
И краску черную вари
В такой жарище, хоть умри!

Иному, впрочем, на работу
Не жаль ни времени, ни пота,
А сделал — все не так, как надо!
Но он из Обезьянограда,
И не было такого чуда,
Чтоб мастер дельный был оттуда!

На том же судне дураков
Немало есть учеников,
С которых шкуру-то дерут,
А платят им гроши за труд.
Но эти пустят все равно
Свой заработок на вино.

О завтра думать — есть ли толк:
Все пропил — лезь, как в петлю,
в долг...

...Так они едут — с цехом цех,
Но я собрал еще не всех!

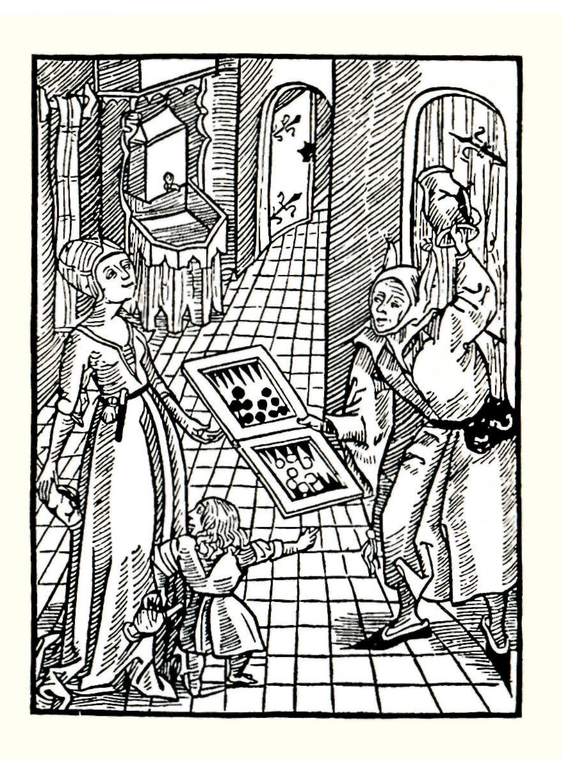
О ДУРНОМ РОДИТЕЛЬСКОМ ПРИМЕРЕ

Ребенок учится тому,
Что видит у себя в дому:
Родители пример ему.

*

Кто при жене и детях груб,
Кому язык распутства люб,
Пусть помнит, что с лихвой получит
От них все то, чему их учит.

Теперь вести себя прилично
Не в моде стало, и обычно
И женский пол, себя позоря,
Стал срамословить в разговоре.
Мужья — пример для жен своих,
А дети учатся у них:

Там, где аббат не враг вина,
Вся братия пьяным-пьяна!
Что говорить, — спокон веков
Полно на свете дураков!
Не волк воспитывал овец,
Походку раку дал отец.
Когда родители умны
И добродетельно скромны,
То благонравны и сыны.
Попался как-то Диогену
Какой-то пьяный совершенно,
Впервые встреченный юнец.
«Сынок, — сказал ему мудрец, —
Ты, вижу, весь в отца родного:
Бьюсь об заклад — он раб хмельного!»

Коль видят нас и слышат дети,
Мы за дела свои в ответе
И за слова: легко толкнуть
Детей на нехороший путь.
Держи в приличии свой дом,
Чтобы не каяться потом.

О НАСЛАЖДЕНИЯХ

Кто похоти покорный раб,
Тот нищ умом и духом слаб, —
Он плохо кончит, жертва баб!

*

Грех похоти, мужской тем паче,
Сравнить могу я с девкой падшей,
Что, у порога сидя, в дом
Зовет прохожего: «Зайдем!» —
И ложе по цене дешевой
Со всяким разделить готова,
Суля обманчивое счастье
Поддельной, всем доступной страсти.
Дурак в ее объятья вмиг
Бросается, как дурень бык
Под тяжкий молот скотобойный
Иль как овечка, что спокойно,

Резвясь, вдруг в петлю попадет, —
А кто-то в сердце нож воткнет.
Смотри, глупец, не будь так рад —
Ты ввергнешь душу в темный ад,
Распутной девкой соблазнясь.
Но, похоти не покорясь,
Иного причастишься счастья.

Прочь от соблазнов сладострастья,
Чтоб в грех язычества не впал,
Как древний царь Сарданапал,
Кто мнил, что радости иной
Нам не дано, кроме земной,
А смерть всему кладет конец!
Себя же обличил глупец:
За мимолетным счастьем гнался,
А сам впоследствии признался:
«Кто наслажденья слишком любит —
Навеки сам себя погубит».
Нет радости, чтоб не минулась
И горечью не отрыгнулась,
Хоть, наслаждений трубадур,
Пел по-иному Эпикур!

О ТЕХ,
КТО ЖЕНИТСЯ НА ДЕНЬГАХ

Тот, кто, прельстясь деньгами, в брак
Вступить готовится, — дурак:
Дождется ссор, скандалов, драк!

*

Кто добровольно стал ослом,
Тому и мука поделом!
Женясь на старой, но богатой,
Заплачешь ты: «О, день проклятый!»
Жить будешь, как в тюрьме, во мраке,
В своем бесплодном, стыдном браке
С тем денежным своим мешком,
Который был твоим божком
И чьей начинкою приманен,
Ты одурачен, оболванен.
Столь неразумный шаг свершив,
Никто не может быть счастлив.

Да, кто вступает в брак такой,
Забудь про счастье и покой!

Уж лучше жить в пустыне голой,
Чем этой жизнью невеселой
Со злой женой, в плену таком,
Став денег ради дураком!
Коль нет свиньи, любитель сала
Зарежет и осла, пожалуй.
И что же? Сала — черта с два,
Скотинка бедная мертва,
Хозяину же, кроме слез,
Грязь остается и навоз.

Брак современный, между прочим,
Власть Асмодееву упрочил.
Где Вооз, кто на чужестранке,
Пришелице-моавитянке,
Женился, хоть была она
Совсем бедна и незнатна,
И жил в согласье с ней, любовно?
А нам помеха — ранг сословный
И златолюбье! Потому
Нет мира и любви в дому:
Бранятся врозь, бранятся хором:
Тот uprecorum, та — vsbessorum.

О ЗАВИСТИ И ЗЛОБЕ

Царят на свете три особы,
Зовут их: Зависть, Ревность, Злоба.
Нет им погибели и гроба!

*

Глупцов рождают нам всегда
С избытком Зависть и Вражда.
Желая вас предостеречь,
О них веду сегодня речь.
В словах «твой», «мой» находим завязь
Того плода, чье имя Зависть.
Хуля мое, ты им прельщен,
Чем я, конечно, возмущен.

Чуть Зависть нас однажды ранит,
Смертельной эта рана станет.
Природа Зависти одна:
Наметит цель себе она —

И чтоб достичь ее верней,
И день и ночь стремится к ней.
Ни сна, ни отдыха ей нет,
А сердцу — боль, а сердцу — вред.
Как жалкий пес, завистник бедный
Страдает, отощавший, бледный,
И, задыхаясь в лютой злобе,
На всех он смотрит исподлобья.
Смеется Зависть нам на горе,
Когда корабль потопит в море.
Не станет пищи ей — сожрет
Сама себя, но не умрет.

У Зависти есть страшный яд —
Им отравляет брата брат:
Припомним Каина, Исава,
Себя покрывших черной славой;
Сынам Иакова, Фиесту
И многим тут нашлось бы место.
Так Зависть обуяла их,
Что в них и голос крови стих!
Ведь нет вражды неукротимей,
Чем ненависть между своими!

О ВРАЧАХ-ШАРЛАТАНАХ

Вас, кто врачует самозванно,
Пройдохи ловкие, профаны,
Вас обличаю, шарлатаны!

*

Что скажешь ты глупцу врачу,
Который, глядя на мочу
Смертельно-тяжкого больного,
В растерянности бестолковой
Хватает лекарский томище
И указаний, неуч, ищет?
Пока вникает он, смекает, —
Больной и дух свой испускает!
Иные лезут в медицину,
Всего и зная лишь рицину
И то, что в книжке-травнике
И у старух на языке.

Противу правды не греша,
Скажу, что много барыша
По милости больных болванов
Течет в карманы шарлатанов.
Как в старину, так в наши дни
Любую лечат хворь они
И разбираться не привыкли,
Кто болен — юноша, старик ли,
Какого пола пациент,
Каков природный элемент:
Горяч, прохладен, сух иль влажен, —
И вид у них напыщен, важен!

Мешок травы, бочонок мази —
Вот пластырь вам для всех оказий:
Столь действенная сила в нем,
Что и нарыв, и перелом,
И язвы, и параличи —
Все этим пластырем лечи!
Кто пользует болезни глаз
Одною мазью каждый раз,
Кто без сосуда для воды
(Невеждам в этом нет нужды!)
Клистиры ставит, очень просто
Себя прославит, как Цуоста!
Подобный врач похож при этом
На адвоката, что советом

Не выручит: не знает он,
Какой к чему приткнуть закон!
Духовнику он также пара,
Не сведущему, что за кара
Вас на суде господнем ждет
За этот грех или за тот.

Беда, коль неуч неумело
Не за свое берется дело
И только мзду обманщик любит:
Доверишься ему — погубит!

О САМОВЛЮБЛЕННОСТИ

Я в зеркало смотреться рад:
К лицу дурацкий мне наряд.
Кто схож со мной? Осел, мой брат!

*

Дурацкую тот варит кашу,
Кто мнит себя умней и краше
Всех остальных, кому не лень,
Как одержимому, весь день
Глядеться в зеркало, себя
В зеркальном облике любя,
Но, видя рожу двойника,
Не признавать в ней дурака!
Чуть он услышит рассужденье
Окрасотеильобхожденье, —

И клясться уж готов, что он
Один всем этим наделен,
Что он судьбой своей отмечен,
В делах, поступках безупречен.
Где б ни сидел, где б ни лежал,
Куда б ни шел, ни поспешал,
А зеркало всегда при нем.
Таких и в прошлом мы найдем:
Когда-то в Риме Марк Отон
Был императором. Вот он
И на охоту, даже в бой
Всегда брал зеркало с собой
И брился дважды в день, и мыться
Любил он молоком ослицы.

Но женщин я б не упрекал,
Что жить не могут без зеркал, —
Их все-таки, бедняжек, жаль:
Год нужен им надеть вуаль!

Кто мнит, что он лишен изъяна, —
Схож с гейдельбергской обезьяной.
В творенье рук своих влюблен,
Свихнулся царь Пигмалион.
Нарцисс не умер бы юнцом,
Не обольстись своим лицом.
Но к зеркалам и тех влечет,
Кому глядеть в них не расчет.

Кто стал бараном глупым, тот
Советов мудрых не поймет:
Теперь по естеству он *глуп*, —
Чин дурака барану люб!

О ТАНЦАХ

Как благо танцев не признать:
Вперед шага четыре-пять
И столько же проходишь вспять!

*

Я объявляю дураками
Всех тех, кто, дрыгая ногами,
В прыжках дурацких и круженье
Находят удовлетворенье.
Но лишь помыслю я о том,
Что танец порожден грехом,
Я в выводе суровом тверд:
Людей навел на танцы черт,
Создав для них тельца златого,
Дабы унижен был Иегова.

От танцев много есть последствий,
Весьма тлетворных в младолетстве:
Заносчивость и самохвальство,
Распутство, грубость и нахальство.
Стыдливость в танцах не в чести, —
Как тут невинность соблюсти?!
На танцах сверх обычной меры
Нас тянет в дом мадам Венеры,
Амур нас дразнит, шалопут,
И добродетели — капут!

На всем на этом свете, право,
Я не видал вредней забавы,
Чем в храмах — танцев допущенье
При первом даровозношенье,
Когда, забыв и стыд и страх,
Не только поп, но и монах
С толпой мирян во грех сей тяжкий
Впадает, оголяя ляжки.
(Кой-что еще назвать я смог бы!)
Им танцы — лакомее смоквы!

Дай Кунцу с Кларой в пляс
пуститься.
Готовы целый день поститься.
Бедняжки! Труд ножной тяжел!
Глядишь — точь-в-точь с козой
козел!..

Коль их в мой флот я не зачислю,
Я, значит, в глупости не смыслю...

Ах, танцев жаждет стар и молод,
Неутомимый это голод!

НОЧНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ

Кто под любым окном охоч
Проволокитствовать всю ночь, —
Тот мерзнуть, видимо, не прочь.

*

Что там за шум, что за галдеж?
Не карнавальный ли кутеж?
То всполошила весь квартал
Орда ночных праздношатал:
Покой домашний им не лаком —
Милей на улице гулякам
Торчать под окнами красотки,
Бренчать на лютне и драть глотки,
Чтобы, с постели встав, она
Им улыбнулась из окна.
Пропет один, другой стишок,
А из окна ночной горшок
На них выплескивает прямо
И камнем потчует их дама.

Невелико веселье, впрочем, —
Трястись от холода всю ночь им,
Во флейту дуть, струну щипать,
Петь серенады и не спать
И через рынок дровяной
Стремглав нестись, как кот ночной.

Среди студенческой толпы
Тут не в диковину попы,
Тут разных возрастов миряне —
И много ссор, и много брани,
И много просто всякой дряни,
Тут рев, и блеянье, и вой
Скотов, ведомых на убой.
Глупец глупцу дает наказ,
Где должен в следующий раз
Петь за него он серенаду,
Но все держать в секрете надо.
Однако же о том секрете
Уже известно всем на свете.

А жены их как бы хотели
Любви в супружеской постели,
Покуда козлики их скачут!
Еще доскачутся — заплачут!

О НИЩЕНСТВЕ

Я обличаю в этой книжке
Всех дураков и их делишки:
Спасайтесь, нищие людишки!

*

Глупцов мы и средь нищих сыщем,
Числа теперь не стало нищим:
Их братия не голодна,
Богатые есть ордена!
Но как ни велики богатства,
На бедность жалуются братства
И клянчат, не жалея слез:
«Подайте, как учил Христос!»
Завет о бедных и убогих
Обогащает ныне многих.
Кричит вожак: «В дорогу, братцы!
Мешки полны! Живей собраться!»

От века продавцы реликвий
Народ обманывать привыкли.

На паперти шумит базар,
Разложен плутовской товар —
Все тут священно, драгоценно:
Из вифлеемских ясель сено,
От Валаамовой ослицы
Кусок ребра; перо хранится
Архистратига Михаила
(Не сякнет в нем святая сила);
Тут есть уздечка боевого
Коня Георгия святого;
Одна сандалья святой Клары...

Как часто человек не старый,
Не хворый, а во цвете лет,
У коего ни права нет,
Ни маломальской нет причины
Не гнуть в работе честной спину,
А так — бесстыжий тунеяд,
Кто жить, бездельничая, рад, —
Легко протягивает руку!
Он эту низкую науку
И детям преподаст своим,
Дабы им нищенствовать с ним,
А кой-кому из них сей муж
И руку вывихнет к тому ж,
И будет истязать их, мучить,
Чтоб жалостливей им канючить.
Немало жертв таких, как эти,

Ты в Страсбурге, и в лазарете
Найдешь, и в доме для сирот, —
Не дремлет попрошайный сброд!
Наш город Базель, между прочим,
Их плутней служит средоточьем,
Но вникнуть в их дела попробуй, —
У них и свой язык особый!
Что совесть? Жизнь сытней была бы!
У каждого из них есть баба:
На улице — ах, боже мой! —
Как немощна! А что домой
Приносит своему! А тот
Нажрется и винцом запьет;
Потом приходит в кабачок,
Там попадется простачок —
Сыграет в кости с ним мошенник,
И дурачок ушел без денег!
Но так как плут везде плутует,
То часто, как цыган, кочует —
Спасается, возмездья труся.
Там стянет курицу, там гуся —
И в путь. А с ним три неразлучных
Пройдохи тертых — три подручных...

От сребролюбья спятил свет:
Все жаждут лишь монет, монет!
Герольды были в старину,
Оповещавшие страну,

Какою карою какие
Дела карались плутовские.
Герольдов уважал народ.
Теперь любой бахвал орет,
И, что-то возвещая, врет,
И палку носит, как когда-то
Нес булаву герольд-глашатай:
Такое нищенство доходней
И с виду как-то благородней.
О ловкачи! Взглянуть на платье —
Все рвань, заплата на заплате,
Но кубок чтоб чеканным был
И плут чтоб семь раз на день пил!..

Не всех костыльников жалей:
Тайком — пойдут без костылей!
Один падучую устроит
И этим выручку утроит;
Другой отдаст ребят в прокат
Тому, кто ими не богат,
А тот усадит их в корзины,
Нагрузит на хребет ослиный,
Как пилигрим, что, мол, на благо
К святому их везет в Сантьяго.
Костыль, клюка иль деревяшки,
Горб у бедняги иль бедняжки
Или гноящаяся рана —
Все это только для обмана!..

Могу ль всех перечислить я?
От нищих нам уж нет житья,
Их шаек все растет число.
Ведь нищенствовать тяжело
Тому, кто истинно в беде —
Противостать не мог нужде.
А дармоед, само собой,
Доволен нищенской судьбой:
Сыт хлебом он всегда пшеничным,
И мясом, и вином отличным —
Его ривольским услаждай,
Эльзасского ему подай!

Так попрошайничества зло
И превратилось в ремесло.
Беспечность, лень, кутеж, картеж —
Промотанного не вернешь, —
Сума на плечи, в руку клюшка —
И промышляет побирушка.
А нет теперь, увы, запретов
На плутни нищих-пройдисветов!

Живут они, всех нас колпача,
Меня с тобой куда богаче!

О ЗЛЫХ ЖЕНАХ

От злой жены чтоб улизнуть
И обрести покой чуть-чуть,
Муж пустится и в дальний путь.

*

Дабы не вызвать нареканий,
Я вас предупреждал заране:
Достойных женщин ни одним
Стихом не трону я своим,
Но осужденья заслужу,
Когда плохих не осужу.
Жена, коль не глуха к внушенью,
Не столь падка на искушенья.

Муж ласков, коль жена нежна,
И он суров, коль зла жена.

Но раз у бабы лютый норов,
Не оберешься разговоров:
Брань, верещанье, воркотня
И ночью, и в теченье дня,
Попреки, плюхи, пыль столбом
И ложь на лжи — хоть в стену лбом!
Брань не смолкает и в постели:
Супруг несчастный терпит еле,
Внимая проповеди в час,
Когда сам пастор спит у нас.
Тянуть с женой веревку станешь —
Знай, никогда не перетянешь!

Иная с виду так скромна,
А дома — лишь она умна:
Чтоб муж молчал, не поучал,
Чтоб ничего не замечал!

Язык иной жены для мужа
Врага отъявленного хуже.
Уж если баба распалится,
Она свирепее, чем львица,
Оберегающая львят,
Когда пленить их норовят.
Мы, поразмыслив кой о чем,
К такому выводу придем:

Ловушек нет страшней на свете,
Чем тайные силки и сети,
Что женщины спокон веков
Плетут для ловли дураков.

Три вещи мир бросают в дрожь
(Четвертой — не переживешь):
Вдруг ставший барином холоп,
Обжора, пьяный остолоп,
И тот, кто плоть и дух свой слабый
Связал со злобной, грубой бабой.
А где служанка в госпожах,
Там родословный ствол зачах!

Есть три других — ненасытимы
(Четвертое — неукротимо):
Жена, земля и бездна ада —
Сколь ни давай, еще им надо!
Огонь не скажет добровольно:
«Натешился! С меня довольно!»

Я трех вещей постичь не мог
(Избави от четвертой бог!):
Орла, парящего над тучей,
Змею на каменистой круче,
Кораблик дальний средь зыбей,
Мужчину — мальчика глупей.

С иной женой бывает так:
Чуть-чуть не осквернила брак
И губ еще не остудила,
А скажет: «Разве я блудила?»
Худая кровля не страшна —
Страшна сварливая жена!
Что сатана тому бедняжке,
Кто с ведьмой жил в одной
упряжке?

ОБ АСТРОЛОГИИ

О звездах ныне столько чуши
Наворотили — вянут уши.
Но верят в чушь глупцы, кликуши!

*

Наобещает вам дурак
То, что свершить нельзя никак:
«Любую хворь я излечу,
Я, мол, и горы сворочу!»
Весь мир того не совершит,
Что посулить дурак спешит.

Глупцов безмозглых предсказанья
Мозг обрекают на терзанья.
Что бог судил нам в мире этом,
То по созвездьям и планетам,

Забыв, что ими правит бог,
Предречь нам тщится астролог,
Как будто мы постигнуть можем,
Что уготовил промысл божий...
...Хоть не язычник он слепец,
Но он христианин-глупец:
Ужель в созвездьях разберешь,
Какой хорош иль нехорош
Для купли день, и для продажи,
И для строительства, и даже
Для объявления войны,
И для женитьбы, между прочим,
И для всего, о чем хлопочем?..

. . . .

С прискорбием гляжу теперь я,
Как расплодились суеверья:
Толкуют тот или иной
Крик птицы в тишине ночной,
И сны берутся толковать,
И прорицать, и колдовать,
Тщась от луны добиться ясной
Того, что просят днем напрасно.
Да, чернокнижья лжеученье
Теперь для многих — увлеченье!
Как простолюдье, так и знать
Все тайное хотят познать —

И обязаться чем угодно.
Но все напрасно, все бесплодно!

Они не только бег планет
Истолковать дерзают, — нет! —
По ходу звезд хотят исчислить,
О чем способна муха мыслить
И приговор судьбы грядущей:
Кому привалит куш большущий,
Кто будет счастлив, кто умрет.
Морочат чепухой народ!
От глупости весь мир оглох,
Глупец глупцам — пророк и бог!
Мне ль о печатниках смолчать?
Им что ни дай, они — в печать:
Истолкованье снов, судеб —
Все им пожива, все им хлеб.
Срам — тискать книжечки с такой
Невежественной чепухой!
Какую чушь теперь ни порют,
Никто против нее не спорит...

Когда б учений ложных зло
Бед и напастей не несло,
Не утверждали б мы так смело,
Что это — дьявольское дело.
Зловредна астрологов ложь:
Пророчат и скота падеж

По звездным измененьям неба,
Неурожай плодов и хлеба,
И гибель виноградных лоз,
И дождь, и ветер, и мороз.
Крестьянам на руку оно:
Зерно придержат и в и н о, —
Ведь петля голода туга —
Раскупят все втридорога!
А надо бы к сему причастных
Лжепрорицателей опасных
Судить, карать, и очень строго:
Бог неподвластен астрологу!
Но божья милость оскудела —
И процветает черта дело!

О ГЛУПЦАХ,
НЕ ПРИЗНАЮЩИХ СЕБЯ ГЛУПЦАМИ

О Марсии подумать жутко:
С него содрали кожу — шутка?!
Зато при нем осталась дудка!

*

Дал бог глупцам одну натуру:
Не признаются, хоть ты шкуру
Сдери, что дураки они.
К примеру — Марсий в оны дни.
Глупец и глух и слеп — ведь он
Вполне уверен, что умен.
Глумиться можешь над болваном,
Как над паяцем балаганным,
Дурак в самодовольстве чванном

Сочтет издевку похвалой.
Но дудка — обличитель злой!

Богатый окружен друзьями —
Друзья его толкают к яме,
Пока, обобранный вконец,
Не разорится он, глупец,
И всех друзей лишится тоже.
Тут взмолится он: «Боже, боже!
Где ныне все мои друзья
И кем утешен буду я?
Задуматься бы раньше мне,
Не очутился бы на дне!»

Дурак большой, конечно, тот,
Кто промотать способен в год
То, чем безбедно мог бы жить
Всю свою жизнь и не тужить.
Но так как был он очень глуп,
То на издержки не был скуп
И задавал пиры с утра.
И вот — пойти с сумой пора!
Где прежнее великолепье?
Ходи босой, носи отрепье —
Посмешище былым друзьям!
Тут плачь не плачь — виновен сам!
Но благо тем, друзья которых
Добры, верны, с кем в разговорах

Утешишься, найдешь участье.
Мы одиноки большей частью!..

Есть и чудовищная глупость —
Непрошибаемая тупость:
Живьем сдирай с такого шкуру —
И то не разберется сдуру
Безмозглый этот остолоп,
Ушами только хлоп да хлоп!
Нередко шуточку отмочит
Иной глупец — и сам хохочет,
А кое-кто заметит так:
«Зачем старается дурак
Изобразить нам остряка?
Ведь сразу видно дурака.
Дурак он — больше ничего,
Ничтожное он существо!»

Иной бы умным стать хотел,
Да сдуру в дудку задудел,
Тем доказав для славы вящей,
Что дуралей он настоящий.
Еще один есть вид глупца,
Что вылупился из яйца
Сороки или попугая.
Тут страсть дурацкая другая:
Чтоб очень умным показаться —
Всегда ученых тем касаться.

Но видят сразу все кругом —
Судьба свела их с дураком:
Ни слова не сказал толково!
Возьмись ты дурака такого,
Как перец в ступе, день и ночь
Хоть год без устали толочь,
Не выбьешь дури из болвана:
Самообман — отец обмана!

Кой-кто терпеть согласен муки:
Пусть ему скрутят ноги, руки,
Лишь денег дали бы ему,
Чтоб тайно их копить в дому.
Пускай честят на все лады,
Плюют в лицо — в том нет беды:
Чего не стерпишь ради денег, —
Лишь бы процентик, хоть на пфенниг!
Доказано ведь не однажды:
Имеешь больше — больше жажда!

Но есть еще глупцы одни:
Нет ни детей, и ни родни,
И ни друзей, а все в трудах,
В заботах тяжких и мечтах —
Копить, копить! Спроси его —
Он сам не знает, для кого!

Когда в воде сидел Тантал,
То проку в этом не видал,
И радости не испытал
Он и от яблок наливных:
Сорвать с ветвей не мог он их!

О СУТЯЖНИЧЕСТВЕ

Вам поношенье, вам позор,
Зачинщики раздоров, ссор!
Вы не затмите правде взор!

*

Да, я непримиримый враг
Неугомонных тех сутяг,
Что ссорятся всегда со всеми,
Проводят в спорах, в склоках время,
На мировую не идут
И чуть какой пустяк — так в суд.

А чтобы дело затянуть
И правосудье обмануть,
Они в сутяжническом зуде
Выводят из терпенья судей.
Но тщетны все увещеванья:
Под колокольный звон изгнанье
Пускай присудят, пусть ославят,
Хоть вне закона пусть объявят, —

Сутяга рад: он убежден,
Что с дышлом схож любой закон.
Да, он доволен, не пытаясь
Понять, что он и есть тот заяц,
Что, жарен в собственном соку,
Раздарен будет по куску
Как адвокатам, так и судьям
И многим прочим нужным людям,
Из коих каждый — молодчина
Ловушки ставить на дичину.

Река течет из родника,
Процесс в суде — из пустяка!
Теперь потребен стряпчий новый,
Да иноземный — недешевый,
Кто вновь закрутит все, затянет
И пуще судей оболванит.
А что при том пропьют, прожрут —
Того не стоит весь их труд!
Тем больше дров, чем дальше в лес, —
И все запутанней процесс!

Сутяг таких не обуздать —
Зады им нужно отхлестать!

О БЕСПОЛЕЗНОСТИ ОХОТЫ

Что стоит денег и заботы,
А много ль пользы от охоты,
Имей хоть славу знатока
Охотницкого языка?

*

Охотой, правду говоря,
Лишь время убивают зря.
Сказать — забава нам нужна,
Так слишком дорога она:
Всех этих гончих и борзых
Не кормят из горшков пустых.
Что станет пес вам или птица,
Никак не может окупиться
Ни редкой куропаткой вашей,
Ни тощим зайчиком в ягдташе.

А сколько стоит сил, тревог —
Скакать за дичью без дорог,
Обрыскивать долины, горы,
Овраги, степи, рощи, боры,
Сидеть в засаде, не дохнуть,
И вдруг чихнуть — и дичь спугнуть!
Распуганной в охоте дичи
Намного больше, чем добычи.
Но часто в ход идет дичинка,
Что нам стрелок приносит с рынка.
Стяжать себе желая славу,
Затеет кое-кто облаву
На кабана, медведя, льва,
Однако тот стрелок едва
Козулю робкую убьет.
А тут уж страху он хлебнет!

Добычу добрую зимой
Крестьянин понесет домой
И, живо распродав дичину,
Подставит ножку дворянину.

Отцом охоты был Нимрод,
Чей богом был отвергнут род.
Охотником заядлым став,
Слыл грубым грешником Исав,
Не то что праведный Иаков.
Но не найдешь теперь, однако,

Таких, как Губерт и Евстахий,
Что отказались, в божьем страхе,
От всех охотничьих забав,
Путь службы господу избрав.

О ХВАСТОВСТВЕ

О, рыцарь старины ушедшей!
Я сам, поверьте, сумасшедший.
Хотите шпорами гордиться?
Я надеру вам уши, рыцарь!

*

Глупцов представлю вам сейчас тут,
Привыкших подвигами хвастать.
Бахвал, сколь ложь ни будь нелепа,
Мнит, что все люди верят слепо,
Когда он им бесстыдно врет,
Как стар его дворянский род.
А между тем отец его
Только и знал скорей всего,
Что колотушкой бух-бум-бом! —
Бондарным занят ремеслом;

Мог также быть из конокрадов,
А может, скупщик без закладов
Иль даже ростовщик-злодей,
Пускавший по миру людей.
А отпрыски такого предка
Теперь стараются нередко
Дворянским званьем щеголять,
Чтоб надлежало представлять
Их так отныне: «Ганс фон Менц,
И сын их — кавалер Винценц!»

Тех, кто себя так превозносят,
Не любят люди, не выносят.
Любой хвастун, надутый чванством —
Болван, прославленный болванством,
Как господин фон Бруннедрат,
Тот рыцарь, тот аристократ,
Кто из-под Муртена позорно
Так улепетывал проворно,
Что выше пояса, со страху,
Штаны загадил и рубаху,
Но все ж — со шлемом и щитом —
В дворяне выскочил потом:
Был щит его чеканно-клетчат,
В гербе — цаплеобразный кречет,
Гнездо с пятком яиц на шлеме,
Заносчивый петух в эмблеме,

Ritter peter
Doctor griff.

Что, видимо, был сам готов
Своих высиживать птенцов.

Таких болванов много есть,
Которым воздается честь,
Которым выдают награды
За возглавленье ретирады,
Когда на всем бегу назад
Врагу седалищем грозят,
Хваля впоследствии свою
Отвагу в том лихом бою:
«Стрелял, колол — всех наповал!»
Но сам так далеко бахвал
Бежал от схватки, что едва ли
И пулей бы его достали!

Но Гинцу или Кунцу нужен
Дворянский герб — и чтоб к тому ж он
Был обязательно со львом
На светлом фоне золотом,
И — в верхней, в нижней половинке ль —
Корона, шлем и род: «Кревинкель».
Пергамент и печать добыл —
Ты «голубую кровь» купил!
Все нынче жаждут подтвержденья
Дворянского происхожденья.
Но только нравов благородство
Есть грамота на превосходство.

Тот благороден, на мой взгляд,
Кто честь блюдет, трудиться рад,
А кто сих доблестей лишен,
Ленив, распущен, неучен, —
Не благороден, прямо скажем,
Хоть графским сыном будь,
хоть княжьим...
Так лезет в доктора иной,
Хоть и страницы ни одной
Из «Corpus juris» не прочел.
Ученой степенью осел
Его пожаловал: пергамент —
Прав его докторских фундамент.
Вот почему — не ради блажи —
Здесь доктор Цап всегда на страже:
С ним неучу несдобровать —
Так его за уши и хвать!
О, этот доктор Цап — мудрец,
Всем докторам он образец:
Учился дома, на чужбине,
Что знает он — не снится ныне
Всем этим новоиспеченным
Так называемым ученым:
Берет и мантия — и вот
Невежда доктором слывет!
К примеру, некий Ганс Дермо —
На лбу ничтожества клеймо.
Края норвежцев, мол, и шведов

Он изучал, не раз изведав
Их стужу, он и южный зной
Претерпевал в стране одной,
Из коей дальше нет дорог...
А он от дома, видит бог,
Не отходил на расстоянье,
Когда не чует обонянье
Той колбасы чесночной духа,
Что в доме жарит мать-старуха!

Различны виды хвастовства —
Не перечислишь большинства:
Дурак вовек не может снесть,
Что он таков, каков он есть!

ОБ ИГРОКАХ

Иные сядут за картишки —
Что им беседа, что им книжки, —
Дела забыты и детишки!

*

Не редкость также дураки —
Отъявленные игроки,
Кому без их игрецкой страсти
Нет в жизни радости и сласти;
Кто жаждет день и ночь азарта,
Будь это кости или карты;
Кто рад за круглый стол засесть —
И ночь и день не спать, не есть,
Но чтоб вино не иссякало
И жарче страсти разжигало,
Так, чтобы завтра видел каждый
Последствия вчерашней жажды:
Тот желт иль груши зеленей,

Того тошнит в углу сеней,
У третьего же цвет лица
Бледнее, чем у мертвеца,
Четвертый стал, напротив, черным,
Как будто он возился с горном.
Всю ночь играют, попивают —
Зато потом весь день зевают,
Как будто мух ловить хотят!..
Иного пусть озолотят,
Чтоб высидел какой-то час
На проповеди хоть бы раз
И не храпел в рядах передних
Так, чтоб умолкнул проповедник, —
Сон побороть ему невмочь.
А вот за картами всю ночь
Сидеть он будет напролет —
И не зевнет и не всхрапнет!

Ослепли дамы в наши дни —
Забыли, кто и что они:
Пренебрегая женской честью,
С мужчинами развязно вместе
Играют в карты до утра,
Что не приносит им добра.
За прялкой лучше бы сидели,
Чем при таком не женском деле!
Играли врозь бы оба пола,
Оно б не так глаза кололо.

Страдая честолюбья жаждой,
Задумал царь Филипп однажды,
Чтоб Александр на приз бежал
И славу бегуна стяжал.
Ответил Александр-мудрец:
«То, что ты требуешь, отец,
Исполню я, но при условье —
Бежать с сынами царской крови.
Поэтому проси меня,
Когда найдется мне ровня!»
А ныне до чего доходят?
Кто с кем компанию не водит?
И горожане и дворяне
Якшаются со всякой дрянью,
С последней швалью, с кем позор
Вступать в общенье, в разговор.
Но и попы играть садятся
С мирянами — и не стыдятся!
Вот этому прощенья нет!
Им как-никак подумать след,
Что чувства зависти и злобы
У лиц духовных — грех особый:
Чуть проиграл — и злоба вспыхнет,
А с нею — зависть не утихнет.
И вообще не со вчера
Запрещена попам игра!
Кто любит сам с собой играть,
Не будет от стыда сгорать,

Встал должником из-за стола,
И не побьют его со зла.
Но, говоря об игроках,
Я должен в нескольких строках
Напомнить, что сказал Вергилий, —
Ведь игроки и в Риме были:
«Не горячись в игре, дабы
Не стал ты жертвою судьбы.
Игры непостижима власть —
Мутит рассудок эта страсть.
В ком здравый разум все же есть,
В игре да соблюдает честь!
Не меньше денег дорога
И выдержка для игрока.
Не горячись, играй спокойно,
А проиграв, держись достойно...»

Бывает часто с игроком:
Сел богачом — встал бедняком.
Кто карты взял, прельстясь наживой,
Тому не знать игры счастливой.

Игра азартная грешна:
Она не богом нам дана, —
Ее придумал сатана!

О ПОДХАЛИМСТВЕ

Придворных холить жеребцов —
Искусство низкое льстецов
И путь к успеху подлецов.

*

Эй, лизоблюды, паразиты,
Вас повезет корабль закрытый,
Вас, шаркунов придворных льстивых,
Вас, хитрых подхалимов лживых,
Обманывающих господ
И презирающих народ!
Ища местечек потеплее,
На славословья не жалея
Ни фимиама, ни елея,
Питается холуйский люд
Лизанием господских блюд.
Что подхалиму честь, когда —
Глядишь — сам вышел в господа

За то, что знал, как с ловчей птицей,
С конем дворцовым обходиться,
Умел держать по ветру нос,
Лгать и хвостом вилять, как пес!
Кто в ход пускает ложь и лесть,
Тому легко высоко влезть,
Хоть раньше он и на порог
Хором таких ступить не мог.
Льстецов бесстыжих обожают,
Их за дворцовый стол сажают;
Они в фаворе, потому что
Двор не имеет в чести нужды.

Но льстец иной, чтоб отличиться,
Так поусердствует скребницей,
Что конь со ржанием сердитым
Лягнет его в живот копытом —
И лизоблюд с господским блюдом
Коль жив останется, так чудом!

Мы лесть и ложь прикончить можем,
Лишь только глупость уничтожим.
Когда бы все такими были,
Какими кажутся нам или
Казались тем, что есть на деле, —
Куда бы колпаки мы дели?

О НАУШНИЧЕСТВЕ

Тот легкомыслен безнадежно,
Кто верит каждой сплетне ложной,
А ложь мерзавцам — корм подножный.

*

Что ни нашепчешь дураку,
Все лезет в глупую башку.
Чуть лопоухого заметил,
Ты, значит, дуралея встретил.

Ужель мы не глупцами будем,
К порядочным причислив людям
Злокозненного негодяя,
Который, сзади нападая,
На безоружного обрушит
Кулак и тяжко оглоушит?
Теперь удар из-за угла
Молва в искусство возвела.
И правда: лихо ныне бьют,
Бьют — и ответить не дают,

Бьют — и глумятся подло, гнусно,
Коварно и весьма искусно!

Тут в ход пускают очень ловко
И подмалевку, и тушевку,
И лживый вздор клеветников
Прельщает уши дураков.
Но жертве оговора злого
Никто не даст сказать ни слова.
Лишен защиты, будет он
Судом облыжно осужден,
А правды так и не докажет:
В мешок его впихнут — и свяжут!

Не слушал бы жену свою,
Адам остался бы в раю,
И Ева, в любопытстве праздном,
Не вверься змиевым соблазнам,
При муже и по наше время
Блаженствовала бы в Эдеме.
Кто слишком легковерен, тот
Себя до петли доведет.
Лукавым шептунам не верь:
Весь мир фальшив и лжив теперь.

О ФАЛЬШИ И НАДУВАТЕЛЬСТВЕ

Алхимия примером служит
Тому, как плутни с дурью дружат
И как плуты живут — не тужат.

*

Теперь мы на парад шутов
Пошлем поддельщиков, плутов.
Все ныне фальшь: друзей советы,
Любовь, и дружба, и монеты.
Не стало братских чувств: обманом
Находят путь к чужим карманам.
Хоть сотню ближних разоришь, —
Не страшно: главное — барыш!
Что честностью нам дорожить?
Нажить, хоть душу заложить!

И тысяча пусть ляжет в гроб,
Чтоб куш ты пожирней загреб!

Исчезло чистое вино,
Теперь — бог знает что оно!
Его подделывают хитро:
Поташ берется и селитра,
Корица, сера и горчица,
Сухая кость — ребро, ключица,
Коренья, всяческое зелье —
Вот нынешнее виноделье!
Всю эту гадость в бочки льют —
Беременные жены пьют
И, раньше времени полнея,
Не обольщают нас сильнее,
Бывает, что вино такое
Ведет и к вечному покою...

Подковывают кляч, которым
Пора предстать пред живодером.
Копыта в войлок замотав
И снадобий бодрящих дав,
Стоять их приучают, словно
На долгой всенощной церковной.
Хотят на полудохлой твари
Нажить, как на гнилом товаре.
На этом держится весь мир:
Барыш — вот наших дней кумир!

Нет верной меры, вес неточен —
Фунт ссохся, локоть укорочен;
В суконных лавках так темно —
Не разобрать, что за сукно.

Покуда ты с открытым ртом
Глядишь на строящийся дом,
Мясник уже нажмет тем часом
Привычным пальцем чашу с мясом,
Любезно вновь о весе спросит —
И на прилавок мясо сбросит.

Дороги не годны ни к черту.
С деньгами плохо: слепы, стерты,
Иных и вовсе бы не стало
Без постороннего металла.
Фальшивых денег — пруд пруди:
Берешь, так в десять глаз гляди...

Ну, а духовные столпы —
Монахи, схимники, попы?
Их благочестье — фальшь, игра:
Нельзя от волка ждать добра,
Хоть шкура будь на нем овечья!..

Да, не забыть: сверну тут речь я
На архидурье плутовство —
Алхимией зовут его.

Вот этой, мол, наукой ложной
И золото в ретортах можно
Искусственным путем добыть,—
Лишь надо терпеливым быть.
О, сколь неумные лгуны —
Их трюки сразу же видны! —
Кто честно и безбедно жили,
Все достояние вложили
В дурацкие реторты, в тигли,
А проку так и не достигли.
Сказал нам Аристотель вещий:
«Неизменяема суть вещи»,
Алхимик же в ученом бреде
Выводит золото из меди,
А перец — из дерьма мышей
Готовится у торгашей.
Подкрашивают все меха,
Но обработка их плоха:
За два-три месяца ни ости,
Ни пуха в шубе нет, — хоть бросьте!
Из суслика и мускус гонят —
От вони вся округа стонет!
К селедкам свежим на подвеску
Подкинут тухленькую — трескай!
Сидят везде, как пауки,
Старьевщики-ростовщики.
Торгуя держаным товаром,
Мешают новое со старым,

И что ни день — торгаш-мошенник
В карман кладет немало денег.
Вам рухлядь всучат здесь, и хлам,
И плесень с гнилью пополам.
И впрямь блажен тот человек,
Кто надувательства избег!
Отец теперь детьми обобран,
Но был и сам отцом недобрым.
Трактирщик с гостя лишку хватит,
А гость фальшивыми заплатит.
Повсюду фальшь, обман, коварство:
Уж не антихристово ль царство?

О ЗАМАЛЧИВАНИИ ПРАВДЫ

Кто правду утаил из лести
Иль даже опасаясь мести,
Дождется божьего возмездья!

*

Глупец трусливый — потому
Что некто пригрозил ему
Иль сам, желая подольститься, —
Поведать истину боится,
Плюя на совесть и на честь,
Забыв, что бог на свете есть.
А бог всем тем оплот и щит,
Кто, зная правду, не молчит.

Когда б сказал во время оно
Всю истину пророк Иона,

Не знал бы он такой порухи —
Барахтаться в китовом брюхе!
Но Илия — пророк-герой:
За истину стоял горой,
И бог святого Или*ю*
Призрел и приютил в раю.
Сияньем правды осиян,
Крестил Исуса Иоанн.

Коль другу дружески сурово
Сказали вы упрека слово,
А тот не хочет слушать вас,
Не огорчайтесь: будет час —
Он сам поймет, что больше прока
От горькой истины упрека,
Чем от похвал иных льстецов —
Лжецов двуличных и глупцов,
И благодарным вам навек
Останется тот человек.

Две вещи сразу на примете,
Не сразу различима третья:
Красивый город на пригорке
И Ганс-дурак из поговорки,
Кто, стоя, сидя или лежа,
Заметен сразу нам по роже,
Но правды свет, глупцам назло,
Хоть поздно вспыхнет, но светло,

И все, кроме глупцов, конечно,
Повсюду чтут ее извечно.
А дураки — с древнейших пор
Глумленье любят и позор.

Дурацкий флот создать решив,
Корабль свой первый заложив,
Немало от людей колпачных
Намеков слышал я прозрачных:
Мол, колер нужен веселее —
Тут розовее, там белее,
И не дуби корой дубовой,
Используй липы сок медовый.
Но, неподатлив, как утес,
Я слова лжи не произнес.
Бессмертна правда лишь одна,
И колет всем глаза она.
Черни меня, порочь ее,
А правда сделает свое,
Хотя б и не увидел мир
Собрания моих сатир.

Когда за правду смело, рьяно
Я вдруг бороться перестану,
С болванами мне плыть, болвану!

КОРАБЛЬ БЕЗДЕЛЬНИКОВ

К нам, братья, к нам, народ бездельный!
Держали путь мы корабельный
В Глупландию вокруг земли,
Но вот — застряли на мели!

*

Над нами, дураками, смейтесь,
Но истребить нас не надейтесь:
Глупцами переполнен свет,
Нет стран, где нас, болванов, нет!
Из Дуроштадта в край глупландский
Пустился наш народ болванский.
В Монтефьясконе завернем
За добрым тамошним вином,
Чтоб веселей нам, дуракам,
Плыть к дурогонским берегам.
Но неизвестность нас тревожит:

Как и когда нам бог поможет
Прибыть в лентяйский этот край —
Глупцам обетованный рай,
Где б мы свое создать могли
Отечество от всех вдали!
Мы кружим по морю, блуждаем,
Куда нам курс держать, гадаем,
Покоя нет, гнетет тревога,
А ведь ума у нас немного!

Мы приняли к себе на борт
Большую свиту и эскорт,
Что, соблазнясь дурацким благом,
Пустились плыть под нашим флагом.
Так, дни за днями, безрассудно
Морской стихии вверив судно,
Однако жизнью дорожа,
Плывем, от ужаса дрожа,
И богу молимся, чтоб спас,
Поскольку карты, и комп*а*с,
И лага счет, и склянок бой
Нам не понять, само собой,
Как в небе звезд расположенья.
Плывем вслепую — ждем крушенья:
Грозят нам скалы с двух сторон
Погибелью без похорон.
Мы много сказочных созданий
Встречали на путях скитаний:

Шли мимо острова сирен,
Что завлекают пеньем в плен,
И на циклопа мы наткнулись,
Которому когда-то Улисс
(Такое Одиссею в Риме
Дано было второе имя)
Глаз выколол. Но этот глаз
Вновь оживает каждый раз,
Чуть Полифем почует нюхом,
Что понесло дурацким духом.
А если разъярен циклоп,
Глаз вырастает во весь лоб.
Рот Полифема — до ушей:
Людей хватая, как мышей,
Он дурака за дураком
Заглатывает целиком.
А кто спасется чудом, тот
В плен к лестригонам попадет —
И, дураками пообедав,
Оближется царь людоедов:
Болванье мясо — их питанье,
Вином им служит кровь болванья.
Вот в их утробах наш народ
Пристанище и обретет!
Все это некогда Гомер
Придумал нам, глупцам, в пример:
Не лезь, мол, в море, дуралей!
Но был Гомером Одиссей

Doctor Gri
Ad Narragoniam
Gaudeamus omnes

Воспет как образец героя
За то, что при осаде Трои
Столь хитроумный дал совет.
А после, в море десять лет
Скитаясь, он из многих бед,
Умом своим руководим,
Жив выходил и невредим,
Но от опасностей себя ведь
Не мог он навсегда избавить.
Раз, в ураган попав свирепый,
Корабль его разбился в щепы,
И уцелел лишь Одиссей
В жестокой передряге сей:
До берега доплыл он голый,
Поведав случай невеселый.
Когда же наконец в свой дом
Как нищий он пришел потом,
То ум не мог помочь ему:
Никем он в собственном дому
Не узнан был, кроме собаки,
И пострадал от сына в драке.
Но речь о нас: мы счастья ищем,
В глубокий ил зарывшись днищем;
Мы слышим бури приближенье,
Мы, в луже сидя, ждем крушенья:
В лохмотья парус превращен,
Сломалась мачта... Крик и стон...
Нам нет надежды уцелеть!

Как эти волны одолеть?
То вверх тебя швырнет под тучи,
То в бездну бросит вал могучий.
Но крепко сели мы на мель —
И нам не сдвинуться отсель!

Мы Одиссею и в подметки
Не станем по уму и сметке:
Презрев опасности и страх,
В неведомых плывя морях
И к берегам безвестным чаля,
Хлебнул он бедствий и печалей,
А потерпев крушенье, наг,
На сушу выплыл как-никак
И больше приобрел в скитанье,
Чем все былое достоянье!
А мы ведь горе-мореходы —
Мы терпим поделом невзгоды:
Иль мы на рифы сядем, или
Завязнет киль в глубоком иле,
А буря судно, как скорлупку,
Мотает, и за шлюпкой шлюпку
Срывает с палубы волна.
Смывает и людей она.
За борт снесен сам капитан!
Свирепствующий ураган
Корабль разбитый в море гонит —
И дураков немало тонет.

Глупцов погибших не вернуть.
Но целью твоих странствий будь
Лишь гавань Мудрости. Бери
Кормило в руки и смотри,
Плыви рассчитанным путем —
И мудрым мы тебя сочтем.
Тот истинно меж нас мудрец,
Кто сам своей судьбы творец,
Кто цели жизни не изменит,
Кто мудрость высшим благом ценит.
Умен и тот, кто умным внемлет
И наставленья их приемлет.
А кто на тех и тех плюет,
Тот угодит в дурацкий флот.
К нам опоздает — не беда!
Другой корабль плывет сюда:
Там он, глупцам-собратьям брат,
Спеть «Гаудеамус» будет рад
Своим козлиным дуротоном.

А после в море разъяренном
Равно погибнуть суждено нам.

О ЗАСТОЛЬНОМ НЕВЕЖЕСТВЕ

Невеж застольных много есть, —
Избавь нас, боже, рядом сесть!
Им должен я мораль прочесть.

*

Порок и глупость изучая
И в эту книгу их включая,
Хочу еще кое-каких
Представить нам глупцов других —
Из тех, о коих разговор
Придерживал я до сих пор.
Любой из них, — будь дубом дуб,
И невоспитан будь и груб, —
По простоте и слепоте
Безнравствен менее, чем те,

Которые со зла вредили
И на корабль мой угодили.
Да, этот люд не то чтоб очень,
Чтоб уж безбожно был порочен,
А просто — груб и неотесан
И за столом совсем несносен.
«Невежедурни» — так зовут их,
Мужланов этих пресловутых,
Кому поныне пред обедом
Обычай руки мыть неведом
И кто спешит к столу, спроста
Садясь не на свои места,
Так что приходится сказать:
«А ну, приятель, пересядь
Подальше-ка, туда, в конец!»
Тот, разумеется, глупец,
Кто тянется к вину и хлебу,
Не прошептав молитвы небу,
И кто из блюда первый — хвать
И — в рот, и, чавкая, — жевать,
Хотя сидит немало там
Господ значительных и дам,
В чьем обществе такой народ
Не должен вылезать вперед.
И тот ведет себя прескверно,
Кто дует столь немилосердно
На кашу, будто он губами
Решил тушить пожара пламя.

Неряхи оставляют пятна
На скатерти; кой-кто обратно
На блюдо общее положит
То, чего сам уплесть не может,
И отбивает аппетит
Застольникам — иных мутит!
Бывает и наоборот:
Едок-лентяй — покуда в рот
Доставит ложку он, зевая
И зев захлопнуть забывая,
Все, что держал зевака в ложке,
Опять в тарелке, в миске, в плошке.

И привередливые есть:
Что ни подай, не станут есть,
Сначала не обнюхав снеди,
Коробя этим всех соседей.
Бывает, что обжора рот
Едой набьет невпроворот —
Жует, жует, сопя и тужась,
И жвачку изо рта (вот ужас!)
Начнет выплевывать, осел,
В тарелку, на пол иль на стол!..
Увидишь — и с души воротит.
Кой-кто еще и не проглотит
Куска, а с полным ртом хлебнет —
И щеки полоскать начнет,
Так надувая их, как будто

Он весь распух в одну минуту.
И вдруг вино, что в рот влилось,
Фонтаном хлещет через нос —
И все боятся, что мужлан
В лицо плеснет вам иль в стакан.
Рот вытирать не *любят*, — сала
С полпальца на стекле бокала.
Пьют, громко чмокая, с особым,
Преотвратительным прихлебом.
Питье вина бывало как-то
Почти что ритуальным актом.
Теперь на ритуал плюют —
Пьют торопливо, грубо пьют.
Поднимут высоко сосуд,
Глоток побольше отсосут,
Во здравие друг дружке крякнут
И вновь — чок-чок! — посудой звякнут,
И другу честь не воздана,
Коль ты не выпил все до дна.
Но как мой друг ни будь мне люб,
По мне, обычай этот глуп:
Что мне в твоем пустом стакане?
Я пить люблю без понуканий:
Пью для себя и в меру я.
А кто без меры пьет — свинья!

Глуп тот, кто разговор застольный
Один ведет, самодовольный,

А все должны — будь ему пусто! —
Молчать и слушать златоуста,
Что обличает только тех,
Кого как раз и нет, на грех.
А вот еще закон приличья:
За шестиногой серой дичью,
Что расплодилась в волосах,
Нельзя за трапезой в гостях
Охотиться и то и дело
Казнить ее в тарелке белой,
Купая ноготь свой в подливе,
Чтоб стала вкусом прихотливей,
Потом сморкаться, после сморка
Нос вытирая о скатерку.

Воспитанными я б не счел
И тех, которые, на стол
Поставив локти, стол качают,
Что неудобством не считают.
А то еще, избави боже,
На стол положат ноги тоже,
Как та злосчастная невеста,
Что на пол шлепнулась не к месту,
Такой издав при этом звук,
Что онемели все вокруг.
Будь непристойный звук хоть слаб,
Отрыжка выручить могла б,

Но все узнали звук тот грубый.
Какой позор! К тому же зубы
Все выбила дуреха та,
И кровь — ручьями изо рта!..

Еще повадка есть другая:
Соседу яство предлагая,
Стараются подать ему,
Что не по вкусу самому:
Сомненьями себя не мучай —
Захватывай кусок получше!
Забавно наблюдать, как блюдо
При этом вертится, покуда
Подцепит опытный едок
Поаппетитнее кусок.

Чтоб рассказать о всем о том,
Что дурно делать за столом,
А делать кое-кто привык,
Мне двух таких не хватит книг.
К примеру: оторвать иного
Нельзя от кубка кругового;
Тот лезет пальцами в солонку,
Что при воспитанности тонкой
Не принято. Но я скажу,
Что чистые персты ножу
Предпочитаю, если он
Из грязных ножен извлечен

И час назад или немножко
Пораньше обдирал он кошку.
Стучать по скорлупе яичной
Чрезмерно громко — неприлично,
Как многое, чего, признаться,
Не собираюсь тут касаться,
Поскольку это только тени
На благородном поведенье.
Я лишь о глупости пишу
И заклеймить ее спешу.
А правил светскости примерной
Не впишешь в целый том, наверно!

ИЗВИНЕНИЕ ПОЭТА

Нетрудно глупость бичевать,
Если ни разу надевать
И самому тебе пока
Не приходилось колпака.

*

Дурак большой, конечно, тот,
Кто платит мастерам вперед:
К чему о качестве старанье,
Коль деньги получил заране?
Хоть был заказу срок назначен,
Но если он вперед оплачен,
То наперед и знай: не раз
Просрочен будет твой заказ.
Допустим, мне вперед заплатят
(Надолго все равно ли хватит!),

Чтоб я не трогал дураков.
Признаюсь без обиняков:
Дадут — возьму: кормиться надо,
Но ты, дурак, не жди пощады!

Когда бы только денег ради
Я эти заполнял тетради,
То цели бы не увидал
И всех трудов не оправдал.
Однако лишь во имя божье,
Да и на благо миру тоже
Предпринял я свои труды,
А не для славы или мзды:
Был бескорыстен я вполне —
И в этом бог свидетель мне!

Я знаю, за мои писанья
Не избежать мне наказанья.
Руководясь благой мечтой
(Не знать ей клеветы худой!),
Я господу отчет представлю
И, если перед ним слукавлю,
Его заветы искажу
Иль что-то темное скажу,
Я примирюсь с любою карой
За каждый новый грех и старый.
Всех вас я об одном прошу:
Пускай все то, о чем пишу,

Добру послужит и вреда
Не порождает никогда!
Не для того трудился я,
Хоть знаю, что судьба моя —
Судьба цветка: всем пчелам — мед,
А паукам он яд дает.

Я и на это не скуплюсь —
Тут хватит всем, на всякий вкус
Того, что есть. А нет — так нет,
И требовать того не след:
Не унести ведь никому
Тех ценностей, что нет в дому!
Кто благомыслия не хочет,
Тот на меня пусть зубы точит,
Но по его речам поймут,
Что он болван и баламут.
Все то глупцы порочат злобно,
В чем разобраться неспособны.
Чужие спины б им на время —
Изведали б чужое бремя!

Читай собранье этих притч,
Кто может пользу их постичь,
А сам я разберусь и так,
Где ногу тесный жмет башмак,
Где тут ошибка, где огрех,
За что меня корить не грех:

«Врач, исцеляйся *сам*, — по виду
И ты из наших, не в обиду!»
Ну, что ж! Свидетельствую богу,
Что наглупил я в жизни много,
И мне тот орден уготован,
Что мною же самим основан.
Колпак прирос ко мне, друзья,
Стянуть его не в силах я.
Но я стараюсь — и скажу,
Что сил на это не *щажу*, —
Глупца, в каком бы ни был чине,
Распознавать в любой личине.
Надеюсь, мне господь поможет —
Мои успехи приумножит.

Сих проповедей фолиант
Кончает так Себастиан Брант,
Хоть эта истина стара:
Сегодня так же, как вчера,
Открыта всем стезя добра!

МУДРЕЦ

Я все сорта глупцов назвал,
Чтоб каждый их распознавал.
А чтобы вы мудрее были,
Поможет вам мой друг Вергилий.

*

Кто в наши дни столь мудрым будет,
Столь безупречным, что осудит
Себя, коль дурно поступил
Иль неблагоразумен был;
Кто сам с себя всех больше спросит —
Не потому отнюдь, что бросит
Ему упрек вельможный князь,
Иль криков черни убоясь?
Такого, чтоб ни одного
Не въелось пятнышка в него,
Нет мужа мудрого. А все ж
Вот он каков, если найдешь:

Покуда день — в созвездье Рака,
Пока над Овном — полог мрака,
Он на одном сосредоточен,
Одной заботой озабочен:
Чтоб ни из одного угла
Какая-нибудь не легла
На совесть его в этот день
Хоть еле видимая тень
Иль неуместного иль злого
Не вымолвил он за день слова.
Путь его прям — и не свести
Соблазнами его с пути.
С пристрастием себе он сам
Чинит допросы по ночам
В бессоннице: как день был прожит?
Не замышлял ли он, быть может,
Иль не свершил недобрых дел?
Что не успел, недоглядел?
О чем подумал слишком поздно?
К чему отнесся несерьезно?
Зачем он с этим поспешил,
Так много времени и сил
На труд ненужный потеряв?
Зачем, на подступе застряв,
Полезный труд прервал, хоть мог
С успехом кончить, видит бог?
Как смел он, к своему стыду,
Чужую пропустить нужду?

И почему — то ли с боязнью,
То ли с подспудной неприязнью —
Чужое горе он встречал
И якобы не замечал?
Над чепухой полдня корпел;
А дело сделать не успел;
Там чести он не уберег,
Тут выгодою пренебрег;
Грешил устами, и очами,
И сладострастными мечтами;
Зачем он, бренной плоти раб,
Хотя бы в помыслах был слаб?!

Так взвешивает вновь и снова
Он дело каждое и слово:
То — хвалит, то — хулит, скорбя.
Так мудрый муж ведет себя,
Что, возвеличен и прославлен,
Вергилием в стихах представлен.

Кто так к себе при жизни строг,
Того по смерти взыщет бог.
За то, что мудр был в этой жизни,
Вкусит он благо в *той* отчизне.
Всех этого сподобь, *о боже*, —
Себ*а*стиана Бранта тоже!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
К «КОРАБЛЮ ДУРАКОВ»

На этом кончается
«Корабль дураков»,
который
ради пользы, благого поучения,
увещевания и поощрения
мудрости,
здравомыслия
и добрых нравов,
а также ради искоренения
глупости, слепоты
и дурацких предрассудков
и во имя исправления
рода человеческого —
с исключительным тщанием,
рачительностью
и трудолюбием
создан
Себастианом Брантом,
доктором обоих прав,
и отпечатан в Базеле
на масленой неделе,
именуемой «Ярмаркой дураков»,
в лето
тысяча четыреста девяносто четвертое
от рождества Христова.

Примечания

Стр. 23. *«Протест».* — В первом издании «Корабля дураков» (1494 г., Базель) этой части не было. Она была добавлена к третьему изданию книги (1499 г., Базель), и в ней Брант резко протестует против дополнений и переделок, которым подверглась его книга во втором, страсбургском издании (1494), осуществленном без ведома и разрешения автора вскоре после выхода первого издания.

Стр. 25. *...доктором обоих прав.* — Брант был ученым-юристом и имел степень доктора гражданского (имперского) и канонического (церковного) права. Некоторое время Брант преподавал право в Базельском университете.

Стр. 27. *Душеспасительные книжки пекут у нас теперь в излишке...* — В эпоху Бранта печатни существовали во всех крупных и средних городах Европы, и книги перестали быть редкостью, доступной только дворянам и богачам, как это было всего еще два-три десятилетия тому назад.

Стр. 29. *Теренций* Публий Афр (ок. 185—159 гг. до н. э.) — знаменитый римский комедиограф. Брант цитирует здесь слова Теренция из

комедии «Девушка с Андроса»: «Правда родит ненависть» (акт первый, сцена первая).

Стр. 32. *Ганс-дурак* (Hans Narr) — выражение, в известной мере аналогичное русскому Иванушка-дурачок. Неоднократно встречается в тексте «Корабля дураков».

Птолемей — египетский царь Птолемей II Филадельф (285—246 гг. до н. э.), собрал в тогдашней столице Египта Александрии самую богатую для того времени библиотеку.

Стр. 37. *Красс... золотом опился...* — Марк Лициний Красс (ок. 115—53 гг. до н. э.) — римский политический деятель и полководец периода кризиса республики в Риме. Во время проскрипций диктатора Суллы (82—79 гг. до н. э.) он нажил огромное богатство и впоследствии увеличил его путем различных спекуляций. В 53 г. до н. э., будучи римским наместником в Сирии, Красс возглавил поход против парфян, но потерпел жестокое поражение, попал в плен и был убит. По преданию, парфянский царь Ород влил мертвецу в глотку расплавленное золото. На это и намекает Брант.

Кратет из Фив (IV—III вв. до н. э.) — древнегреческий философ-киник. О нем рассказывали, что он отказался от своего имущества и вел бродячую жизнь.

Стр. 44. *А сколь чиста у старцев совесть, нам скажет о Сусанне повесть...* — Намек на библейское

предание о прекрасной и добродетельной Сусанне. В доме мужа Сусанны постоянно бывали двое судей-старейшин, которые воспылали к ней нечистой любовью. Старцы подстерегли Сусанну возле водоема в ее саду, где она купалась, и, когда она отвергла их домогательства, обвинили ее в прелюбодеянии.

Стр. 46. *Илий* — легендарный библейский первосвященник и судья. Согласно Библии, бог через своих пророков предупреждал Илия, что беспощадно покарает его нечестивых сыновей. Эти пророчества исполнились во время неожиданного нападения филистимлян. В решающей битве они разгромили иудеев, убили обоих сыновей Илия и захватили святыню — ковчег завета. Пораженный горестными известиями, Илий умер в тот же день («Первая Книга Царств», II—III).

Феникс — в греческой мифологии фессалийский старец, обучавший знаменитого героя Троянской войны Ахиллеса (Ахилла) красноречию и военному делу.

Филипп II Македонский (ок. 382—336 гг. до н. э.) — царь Македонии, отец Александра Македонского.

Стр. 48. *Македонец.* — Имеется в виду Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.).

Стр. 50. *Горгий* (ок. 483—375 гг. до н. э.) — древнегреческий философ и ритор.

Стр. 52. *Авессалом* — один из сыновей древнееврейского царя Давида (X в. до н. э.). Согласно Библии, честолюбивый юноша, не надеясь унаследовать царский венец, поднял мятеж против отца. Сначала ему удалось захватить власть и изгнать Давида из Иерусалима, но в последующем сражении он потерпел поражение и погиб.

Алким — иудейский первосвященник (первая половина II в. до н. э.), захвативший это высшее в Древней Иудее достоинство с помощью интриг и предательства: он привел в Иерусалим сирийцев и помогал врагу бороться с освободительным движением, возглавлявшимся братьями Маккавеями. Угождая своим хозяевам, он приступил к разрушению Иерусалимского храма, как повествует Библия («Первая книга Маккавейская»), был внезапно разбит параличом и умер в тяжких мучениях.

Того надежда обманула, кто весть о гибели Саула... — Саул — первый царь Израиля (XI в. до н. э.). В Библии сообщается, что, потерпев поражение в битве с филистимлянами и потеряв в ней трех сыновей, Саул в отчаянии бросился на меч. Случайно присутствовавший при этом юноша поспешил с вестью о смерти Саула к сопернику и врагу Саула Давиду. Рассчитывая получить награду, вестник сказал, что сам помог смерти царя, но Давид оплакал смерть Саула и казнил вестника.

Иевосфей — один из сыновей Саула. Согласно Библии, он царствовал над Израилем в течение двух лет после смерти отца, несмотря на постоянные междоусобные войны; был убит во время сна двумя своими людьми, которые принесли его голову Давиду. Последний казнил его убийц.

Стр. 58. *Давид и Ионафан.* — В Библии рассказывается, что Давид, будущий царь Израиля, много лет упорно преследуемый царем Саулом, находился в трогательной дружбе с его старшим сыном Ионафаном. Ионафан не раз открывал другу враждебные замыслы своего отца против него и тем спасал ему жизнь.

Стр. 60. *Сципион и Лелий.* — Публий Корнелий Сципион Африканский Старший (ок. 235—183 гг. до н. э.), знаменитый римский полководец и государственный деятель, был на протяжении всей своей жизни очень дружен с Гаем Лелием (умер после 160 г. до н. э.).

Стр. 63. *Когда бы понял Ионафан...* — Ионафан Маккавей — иудейский первосвященник, возглавлявший освободительную борьбу евреев в 161—144 гг. до н. э. Военачальник сирийского царя Антиоха VI, Трифон, усыпил осторожность Ионафана лестью и дарами и уговорил его распустить войско. Ионафан оставил при себе лишь тысячу человек, и все они были коварно убиты сирийцами.

На что был Юлий Цезарь гений... — Гай Юлий

Цезарь был убит 15 марта 44 г. до н. э. участниками республиканского заговора, руководителями которого были Марк Юний Брут и Гай Кассий Лонгин. Известно, что при входе Цезаря в здание, где совершилось убийство, ему подали письмо с предостережением, но он оставил его нераспечатанным.

Никанор. — Полководец Никанор был послан сирийским царем Деметрием Сотером для подавления восстания евреев. В решающем сражении он был разбит наголову и погиб (161 г. до н. э.). Вождь повстанцев Иуда Маккавей приказал, чтобы «отсекли голову Никанора и руку с плечом и отнесли в Иерусалим». Затем, уже в Иерусалиме, он распорядился «вырезать язык у нечестивого Никанора и, раздробив его, разбросать птицам, руку же безумца повесить против храма» («Вторая книга Маккавейская», XV, 30, 33). Существовало предание, будто Никанор еще до начала боевых действий продал работорговцам своих будущих пленников.

Стр. 67. *Дидона* — легендарная царица Карфагена, героиня «Энеиды» Вергилия. Покинутая троянцем Энеем, которого она полюбила, Дидона добровольно взошла на костер.

От страсти Несс-кентавр погиб... — Согласно греческому мифу, кентавр Несс почувствовал любовь к Деянире, жене могучего героя Геракла. Переправляя Деяниру через реку на своей спине, он

попытался ее похитить, но был убит стрелой Геракла.

И Троя натерпелась горя... — Имеется в виду легендарная Троянская война, причиной которой, согласно греческим мифам, было похищение Парисом, сыном троянского царя, прекрасной Елены, жены спартанского царя Менелая.

Сафо (Сапфо; конец VII — первая половина VI в. до н. э.) — древнегреческая поэтесса. По преданию, она бросилась со скалы в море из-за безнадежной любви к красавцу Фаону.

И взнуздан был, и был оседлан мудрец один красоткой подлой... — Имеется в виду Аристотель, который, по преданию, однажды позволил своей возлюбленной оседлать себя и возил ее на своей спине.

На воздух воспарил Вергилий... — Публий Вергилий Марон (70—19 гг. до н. э.) — крупнейший римский поэт, широко популярный в Европе в средние века и в эпоху Возрождения. Брант неоднократно цитирует его и называет «своим другом Вергилием». Здесь Брант намекает на анекдот из жизни поэта: женщина, которую поэт хотел посетить, предложила ему сесть в корзину, спущенную из окна на веревке, обещая поднять его к себе, но затем оставила висеть между небом и землей.

За курс искусства страсти пылкой Овидий поплатился ссылкой... — Великий римский поэт Ови-

дий (43 г. до н. э. — 17 г. н. э.) в 8 году н. э. был сослан императором Августом из Рима в далекую ссылку (местечко Томы в устье Дуная). Поэту вменялась в вину безнравственность его произведения «Искусство любви».

Стр. 71. *Не снес вина и старец Ной...* — По библейскому мифу, спасшийся от потопа Ной насадил виноградник. Отведав вина, Ной опьянел и заснул нагой в своем шатре. Один из его сыновей, Хам, увидел наготу отца и рассказал об этом братьям, которые, пятясь задом, вошли в шатер и, не глядя, прикрыли наготу Ноя. Проснувшись, Ной проклял Хама и его потомков.

Телец — упоминаемый в Библии идол, которого, по требованию народа, отлил из золота первосвященник Аарон, в то время как Моисей беседовал с богом на горе Синай.

Недаром бог во время оно пить запретил сынам Аарона. — Согласно Библии, бог запретил Аарону и его потомкам пить вино во время богослужения.

Хлебнул и Олоферн беды... — Военачальник Олоферн, посланный царем Навуходоносором для завоевания всех земель на западе, был обезглавлен еврейкой Иудифью во время сна после вечерней трапезы, за которою «пил вина весьма много, сколько не пил никогда, ни в один день от рождения» («Книга Иудифь», XII, 20).

Бывал и Александр пьян... — Имеется в виду

Александр Македонский, убивший на пиру своего лучшего друга Клита.

Стр. 73. *Василиск* — сказочное существо древних восточных сказаний, которое часто представляли в виде огромной птицы с короной на голове и хвостом змеи. Согласно мифам, василиск убивает своим взглядом.

Стр. 76. *Осел подох — изголодался: хозяев многих навидался!* — Намек на старинную немецкую басню «Недовольный осел».

Стр. 84. *Жантил**и*** и *Мезюэ* — средневековые врачи, писавшие о лихорадке. Брант упоминает, что оба погибли от этой болезни, но неизвестно, из какого источника он почерпнул эти сведения.

Стр. 90. *Да, юноши обыкновенно поныне едут в Лейпциг, в Вену...* — Здесь и ниже Брант перечисляет крупнейшие университетские города Германии того времени.

Стр. 98. *Чт**о** Цезаревы нам законы, чт**о** Юлиевы нам препоны?!* — Брант имеет в виду законы от 18 года до н. э. римского императора Октавиана Августа, направленные против разврата и сурово каравшие за нарушение супружеской верности. Название «Цезаревы» и «Юлиевы» объясняется тем, что, будучи внучатым племянником и наследником Юлия Цезаря, он принял после его смерти имя Гай Юлий Цезарь Октавиан, а после установления империи стал именоваться Цезарь Август.

Стр. 100. *Мужья, подобные Катону...* — Марк Порций Катон Младший (95—46 гг. до н. э.) — римский государственный деятель, стойкий защитник республики. Римский консул и оратор Квинт Гортензий Гортал (114—50 гг. до н. э.) посватался сначала к дочери Катона, а затем, получив отказ, попросил в супруги его жену Марцию. После смерти Гортензия Марция вернулась к Катону.

Стр. 102. *Кандавл* — упоминаемый в «Истории» Геродота легендарный царь Лидии. Желая похвастаться красотой своей жены, Кандавл показал ее своему приближенному и любимцу Гигу обнаженной. Оскорбленная женщина предложила Гигу либо умереть самому, либо убить Кандавла и жениться на ней. Гиг предпочел последнее.

Стр. 104. *Поехать в Павию, иль в Рим, иль даже в Иерусалим...* — Павия (город в Северной Италии), упоминающаяся здесь наряду с Римом и Иерусалимом, привлекала паломников и путешественников находившимся в ней собором с гробницей святого Августина и знаменитым старинным университетом.

Но если даже привезешь и сотню крестиков... — Речь идет о крестах, которые паломники, в качестве своеобразных сувениров, обычно привозили из своих странствий.

Не изучил бы Моисей египетской науки всей... — Моисей, согласно библейскому преданию,

воспитывался при дворе египетского фараона и вызывал удивление своей ученостью.

И Даниил бы не был склонен усвоить мудрость вавилонян... — Даниил — иудейский пророк. В Библии рассказывается, что отроком Даниил был взят ко двору вавилонского царя Навуходоносора, где усвоил язык и науки вавилонян.

Стр. 109. *Архит* Тарентский (ок. 440—360 гг. до н. э.) — греческий математик и астроном, полководец и государственный деятель, современник Платона.

Стр. 112. *Корей землею был проглочен.* — Согласно Библии, во время исхода евреев из Египта Корей поднял бунт против власти Моисея и первосвященника Аарона, завидуя их славе и воздаваемым им почестям. Бог жестоко покарал за это Корея и его приспешников: земля разверзлась у них под ногами и поглотила их.

Никем не шитый плащ Христов. — В «Евангелии от Иоанна» рассказывается, что римские воины, распяв Иисуса, разделили его платье на четыре части, и только хитон, который «был не сшитый, а весь тканный сверху», раздирать на части не стали, а бросили о нем жребий. «Нешвенный хитон Иисусов» был в средние века символом единства церкви.

Стр. 117. *Хоть строгой Аталанты меч...* — Аталанта — быстроногая дева-охотница из греческой

мифологии. Так как оракул предостерег ее против брака, она предлагала юношам, желавшим жениться на ней, состязаться с нею в беге и пронзала их копьем, когда обгоняла. Только Гиппомену с помощью богини Афродиты удалось хитростью победить Аталанту.

Стр. 119. *Бранил однажды рака рак...* — Здесь Брант пересказывает сюжет старинной немецкой басни «Два рака».

Воистину, мудра лисица... — Намек на старинную немецкую басню «Лев и хитрые лисицы». В басне рассказывается, как старый лев, неспособный более добывать пропитание охотой, притворился больным и стал пожирать зверей, которые приходили к нему выразить сочувствие. Только лисицы, подошедшие к пещере, не последовали приглашению хищника, так как заметили, что в пещеру ведет много следов, а оттуда — ни одного.

Стр. 130. *И папский меч, и королевский...* — С XIII века два меча считались у католиков символами духовной и светской судебной власти.

О Риме так сказал когда-то Югурта-царь... — Югурта (ок. 160—104 гг. до н. э.), царь Нумидии, хорошо знал римские нравы и неоднократно прибегал к подкупу римских сенаторов и полководцев. При помощи подкупа ему удалось сохранить свою власть над всей Нумидией, захваченную им в результате узурпации престола, и значительно от-

срочить войну с Римом, так называемую Югуртинскую войну (111—105 гг. до н. э.).

Стр. 136. *Апеллес* (356—308 гг. до н. э.) — знаменитый древнегреческий художник.

Стр. 137. *Но он из Обезьянограда...* — то есть из страны дураков. Слово «обезьяна» (Affe) в немецком языке — один из синонимов слова «дурак», «глупец».

Стр. 141. *Диоген* из Синопа (ок. 404—323 гг. до н. э.) — древнегреческий философ-киник; по мнению киников, высшей нравственной задачей является подавление страстей, сведение потребностей к минимуму.

Стр. 144. *Сарданапал.* — Согласно преданиям и сообщениям некоторых древних авторов, так звали последнего царя Ассирии, который отличался необыкновенной изнеженностью и любовью к роскоши и проводил время в наслаждениях. У римских авторов имя Сарданапал было нарицательным.

...наслаждений трубадур, пел по-иному Эпикур! — Древнегреческий философ-материалист Эпикур (341—270 гг. до н. э.) отрицал бессмертие души и считал началом и концом счастливой жизни удовольствие, подразумевая под ним отсутствие душевных и телесных страданий.

Стр. 147. *Власть Асмодееву упрочил.* — В библейской «Книге Товита» повествуется о некоей Сарре, которую семикратно выдавали замуж, но вся-

кий раз злой дух Асмодей умерщвлял новобрачного, прежде чем тот успеет «побыть с Саррою, как с женой». Асмодей считался демоном похоти и нечистых помыслов.

Где Вооз, кто на чужестранке... — Вооз — герой библейской «Книги Руфь», богатый и почтенный человек, который женился на неимущей чужестранке — пришелице Руфи, собиравшей по бедности колосья на его поле.

Стр. 150. *Исав* ненавидел своего брата-близнеца Иакова, который обманом получил благословение отца, причитавшееся Исаву. Иакову пришлось бежать на чужбину от гнева брата (Библия, «Книга Бытия»).

Сыны Иакова завидовали своему младшему брату Иосифу, любимцу отца, и продали его в рабство в Египет (Библия, «Книга Бытия»).

Фиест. — Согласно греческой мифологии, Фиест соблазнил жену своего брата Атрея и попытался отнять у него власть, после чего был им изгнан. Это послужило началом непримиримой вражды между Фиестом и Атреем, изобиловавшей страшными и трагическими эпизодами. Вражда продолжалась до смерти обоих братьев, и жертвами ее оказались многие из детей.

Стр. 152. *Цуоста* — предположительно, врач того времени.

Стр. 157. *Когда-то в Риме Марк Отон был им-*

ператором... и мыться любил он молоком ослицы. — Марк Сальвий Отон (32—69 гг. н. э.) был римским императором очень короткое время в конце своей жизни (69 г. н. э.). Купания в молоке ослицы приписываются его первой жене Поппее Сабине, ставшей затем женой императора Нерона (ум. в 68 г. н. э.).

Гейдельбергская обезьяна — скульптурное изображение обезьяны на старом мосту через Неккар в Гейдельберге. Изображение обезьяны является символическим изображением дурака (см. примеч. к с. 137).

Пигмалион — в греческой мифологии легендарный царь Кипра, замечательный скульптор, который влюбился в сделанную им самим статую. Богиня Афродита оживила эту статую, и она стала женой Пигмалиона.

Стр. 166. *Богатые есть ордена!* — Брант имеет здесь в виду так называемые «нищенствующие» ордена (главные из них — францисканский и доминиканский), возникшие в первую половину XIII века, в разгар борьбы с ересями. На заре существования этих орденов их члены вели бродячий образ жизни и собирали подаяние и дары на церковь, проповедуя «евангельскую бедность». Впоследствии эти ордена непомерно разбогатели.

Стр. 167. *От века продавцы реликвий народ обманывать привыкли.* — Продажа поддельных ре-

ликвий подобного рода была широко распространена в Европе эпохи Бранта.

Стр. 169. *Наш город Базель... их плутней служит средоточьем...* — Вблизи Базеля находилось во времена Бранта большое поселение бродяг и нищих, настоящее государство, со своими законами, обычаями и вольностями.

Стр. 170. *К святому их везет в Сантьяго.* — Имеется в виду город Сантьяго-де-Компостела в Испании — одно из «святых» мест католической церкви, куда из Германии в XV—XVI веках обычно направлялось много паломников. По преданию, там находились мощи святого Иакова.

Стр. 171. *Ривольское, эльзасское* — сладкие вина, которые высоко ценились в эпоху Бранта.

Стр. 182. *Марсий* — фригийское божество, спутник бога Диониса. Согласно мифу, он нашел флейту, брошенную богиней Афиной, и вызвал на состязание самого бога Аполлона с его кифарой. Разгневанный дерзостью Марсия, Аполлон после победы над ним содрал с него кожу. Вместо слова «флейта» Брант обыгрывает слово «дудка», которая является одной из обычных принадлежностей традиционного шута или дурака.

Стр. 192. *...Нимрод, чей богом был отвергнут род.* — Нимрод был внуком Хама, проклятого Ноем. В Библии о Нимроде говорится, что «он был сильный зверолов перед господом» («Книга Бытия», X, 9).

Стр. 194. *Губерт* и *Евстахий.* — Святой Губерт (ум. в 728 г.), епископ Льежский, считался покровителем охотников. По преданию, в молодости он сам был страстным охотником, пока однажды в лесу не было видения: олень с золотым крестом между рогами, — что заставило его покаяться и посвятить себя богу. Эта легенда первоначально рассказывалась о святом Евстахии (жил во II в.) и только в XV веке была отнесена к Губерту.

Стр. 196. *Господин фон Бруннедрат.* — Имя происходит от названия города Прунтрут, или франц. совр. Поррантрюи. Во времена Бранта это было одно из владений епископа Базельского. Брант намекает на то, что этот город во время так называемых бургундских войн выступил на стороне бургундского герцога Карла Смелого против французского короля Людовика XI. Этим он предал большинство швейцарских городов, которые были на стороне Людовика, так как бургундский герцог угрожал их независимости. В решающей битве под Муртеном (1476 г.) швейцарцы разбили бургундца и его союзников. После этой битвы в обоих лагерях много солдат было произведено в рыцари.

Стр. 198. *Гинц* и *Кунц.* — Сочетание этих двух распространенных в средние века немецких имен употреблялось в значении «всякий», «представитель простонародья» обычно с уничижительным оттенком.

Кревинкель — название вымышленной деревни, символ захудалости и незнатности происхождения. Впоследствии слово «Кревинкель» стало в немецком языке условно означать место, где живут ограниченные бюргеры, глубокие провинциалы.

Стр. 199. *«Corpus juris»* (лат.) — название свода законов кодексов и сочинений по праву.

Стр. 205. *Напомнить, что сказал Вергилий...* — Ниже Брант излагает содержание стихотворения «Об игре», которое ошибочно приписывалось Вергилию.

Стр. 218. *Когда б сказал... всю истину пророк Иона... не знал бы он такой порухи...* — То есть: если бы пророк Иона послушался бога и пошел бы проповедовать в грешный город Ниневию, он не был бы в наказание проглочен китом, как сказано об этом в Библии.

Стр. 220. *Но Илия — пророк-герой...* — Пророк Илия, согласно Библии, бесстрашно возвещал грешникам волю бога и был вознесен живым на небо.

Стр. 222. *Монтефьясконе* — итальянский город, который славился своим вином.

Стр. 223. *Мы много сказочных созданий встречали на путях скитаний...* — Здесь и далее Брант пересказывает эпизоды из «Одиссеи» Гомера, сопоставляя странствования и приключения ее главного героя с путешествием дураков в вымышленную страну Глупландию (Наррагонию).

Стр. 228. *«Гаудеамус»* (лат.) — начало известного в средние века анонимного латинского стихотворения, распространенного в среде бродячих клириков и школяров (студентов). Стихотворение воспевает радости жизни. Некоторые его строфы вошли в студенческую песню, которая дожила до наших дней.

Стр. 229. *«О застольном невежестве».* — Эта сатира примыкает к популярным во времена Бранта сборникам правил поведения за столом, большей частью стихотворным. Впервые такой сборник появился в Германии в начале XIII в. В конце XV— начале XVI в. многие писатели, наряду с Брантом, резко выступали против крайней грубости и распущенности, которые царили в немецком обществе того времени.

Стр. 234. *Как та злосчастная невеста...* — Эта история о невесте заимствована из старинного немецкого стихотворения, которое дошло до нас в собрании стихов и прозы XIII—XIV вв. «Лидерзаль» (Liedersaal), составленном германистом Йозефом Ласбергом в 1820—1825 гг.

Стр. 242. *А чтобы вы мудрее были, поможет вам мой друг Вергилий.* — В этой последней главе Брант вольно излагает содержание приписывавшегося Вергилию стихотворения «Мудрец».

Е. Маркович

СОДЕРЖАНИЕ

Брант С.

Б87 Корабль дураков: Избранные сатиры. / Пер. с нем. Льва Пеньковского. Предисл. Б. Пуришева; Примеч. Е. Маркович; Худож. А. Дюрер. — М.: Худож. лит., 1984. 270 с., ил.

«Корабль дураков» (1494) — аллегорическая поэма средневекового писателя-гуманиста, родоначальника так называемой «литературы о дураках» Себастиана Бранта (1457—1521). Автор высмеивает «дурацкие» нравы современников, обличая ханжество, невежество, корыстолюбие и т. п. Благодаря блестящей эрудиции автора, его живому острому языку, умению метко нарисовать характерные бытовые сцены, сатира эта пользовалась и пользуется огромной популярностью.

Б $\frac{4703000000-311}{028(01)-84}$ 143-84 И(Нем)

Себастиан Брант

КОРАБЛЬ ДУРАКОВ

Редакторы
И. Солодунина,
М. Макарова
Художественный редактор
Л. Калитовская
Технический редактор
Л. Платонова
Корректоры
О. Стародубцева
М. Чупрова

ИБ № 2989
Сдано в набор 22.07.82. Подписано в печать 29.06.84. Формат 60X90 1/32. Бумага мелов. Гарнитура «Школьная». Печать высокая. Усл. печ. л. 8,5. Усл. кр.-отт. 25,44. Уч.-изд. л. 9,47. Тираж 30 000 экз. Изд. № VI-816. Зак. 2697. Цена 1 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература».
107882, ГСП, Москва, Б-78,
Ново-Басманная, 19

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473,
Краснопролетарская, 16.

1 р. 80 к.

